

Элита элит

Автор:

Роман Злотников

Элита элит

Роман Валерьевич Злотников

Элита элит #1

Имперский гвардеец из будущего, в котором человечество освоило всю галактику и создало космические колониальные державы, попадает в 1941 год, на границу СССР, на уже оккупированную фашистами землю. У имперских гвардейцев большой боевой опыт, хотя сражаться им приходится только с мятежниками. Имперские гвардейцы – «элита элит», люди, умеющие жить, думать и действовать в согласии с понятиями Долг и Честь, Воля Императора и Кысмет. Долг и судьба главного героя – принять участие в начавшейся великой и страшной войне. В его распоряжении лишь уцелевшие бойцы из разгромленных частей Красной армии. Но элитой не рождаются – элитой становятся...

Роман Злотников

Элита элит

Пролог

Я очнулся оттого, что меня ударили.

Удар был довольно сильный. Такой, что я упал. И то ли боль пробилась сквозь темноту, отгораживающую меня от сознания, то ли просто изменение положения

тела привело в действие все мои натренированные рефлексы и затем уже сработали они, однако я очнулся.

Я лежал на полу. Комната, в которой я находился, была довольно большой. И уродливой. Этакий пенал с длиной, непропорционально вытянутой по отношению к ширине. Да и высота потолка на фоне той же ширины (которую лучше было бы назвать ужино?й) скорее работала на чувство клаустрофобии, чем на ощущение большего пространства. В торцах комнаты виднелись массивная железная дверь со смотровым окошком и маленькое оконце под самым потолком, забранное толстыми прутьями решетки. Стены помещения были покрыты бетонной шубой, окрашенной в ядовито-зеленый цвет.

Да-а-а, дизайнера, занимавшегося этим интерьером, следовало бы гнать поганой метлой!.. Еще в комнате были грубоватый стол – похоже, сколоченный из дерева! – и такой же табурет перед ним, с которого скорее всего меня и сбросили. А также три аборигена, одетые в мешковатую одежду зеленого цвета, состоящую из тужурки с отложным воротником и брюк типа бриджей. Один из аборигенов, сидящий с противоположной стороны стола и, судя по всему, на таком же табурете, как тот, с которого меня сбросили, имел какие-то украшения по краям воротника и был подпоясан ремнем. Костюмы остальных, слегка склонившихся надо мной и уставившихся на мою физиономию, украшали только рельефные металлические пуговицы, а рукава тужурок были закатаны. В принципе одежда всех троих была настолько похожа, что навевала мысль о военной форме, но для формы это как-то слишком нефункционально. Я также был одет в нечто похожее, но в отличие от остальных не имел обуви.

– О! Очухался, мразь!

Голос принадлежал как раз тому человеку, который сидел. А язык был общеимперским... Ну может, не совсем, но я таких диалектов наслушался, что для меня он был вполне приемлем.

– Я же говорил, придуривается. А ну наподдайте-ка ему еще раз!

Оба склонившихся надо мной типа выпрямились, и левый согнул ногу, судя по примерной траектории, собираясь ударить меня куда-то в район почек. Тело сработало рефлекторно. Я выбросил руку, захватив левого за пятку, и дернул ее, одновременно с этим разворачиваясь на бок и проводя захват ног правого

обратной стороной коленного сгиба. Рывок – и оба валятся на пол, причем голову одного из них я едва успел в последний момент отвести на пару пальцев от края табурета. Трупов мне здесь пока не надо. Возможно, ситуация сложится так, что мне пригодится их сотрудничество, а наличие трупа часто сильно затрудняет установление дружественных отношений. Хотя не всегда...

– Ах ты, бл... – Третий вскочил на ноги, лихорадочно расстегивая компактный контейнер, прикрепленный к широкому ремню на правом боку. Логично было предположить, что там находится парализатор.

Я уже стоял на ногах, используя инерцию падения двух массивных тел для придания себе вертикального положения, так что для нейтрализации этой угрозы мне хватило просто тычка пальцем в кадык и простенького разворота кисти руки, в которой уже находилось оружие. Третий рухнул обратно на табурет, хрипло сипя и держась рукой за горло.

Парализатор был какой-то странный. Излишне тяжелый, как будто сделан из металла, громоздкий и совершенно неизвестной мне конструкции. Я пару секунд разглядывал его, несмотря на то что каталог Бреста знал наизусть. А там были представлены все образцы стрелкового оружия гражданского, полицейского и военного назначения за последние пятьсот лет! И он меня ни разу не подводил. А уж с какими только раритетами не приходилось сталкиваться во время операций по усмирению мятежей. Тем более по моему опыту, подкрепленному, впрочем, и выводами сисанов о том, что мятежи чаще всего происходят именно в глухих, отдаленных провинциях, где местные царьки тешат себя иллюзиями, будто находятся так далеко, что Император просто не помнит об их существовании, и сами начинают в это верить. Если бы они знали, какое количество сисанов отслеживает антропосоционику Империи!..

Я положил парализатор на стол и посмотрел на третьего, все еще продолжавшего держаться за горло. Похоже, он тут главный. Я окинул его испытующим взглядом. Да-а, местный персонал явно не отличался хорошей подготовкой, и отбор был так себе. Во взгляде сидящего передо мной читались испуг и... удивление. С умением ориентироваться в условиях резкого изменения обстановки дела у него обстояли не очень. Да и скорость реакции пока не впечатляла, мягко говоря... Я сел, легким щелчком отправил парализатор в его сторону, улыбнулся как можно дружелюбнее и предложил:

– Поговорим?

Третий несколько мгновений недоуменно смотрел на оружие, а затем... среагировал абсолютно неадекватно. Он схватил парализатор и, направив его мне в лицо, заорал:

- А ну к стене, сука! Руки за голову! Панасенко, Баля, возьмите-ка его...

Больше он ничего сказать не успел. Потому что я протянул руку и выдернул парализатор у него из пальцев. Третий осекся и ошеломленно уставился на свою опустевшую руку. Да-а-а, удивительно некомпетентный персонал! Если уж они так реагируют на банальный скачок, то чем же им покажется вьюга? Тут что, вообще не используют антропрогрессию? Нет, не нашу, конечно. (Тем более что, по оценкам сисанов, доля людей, способных к антропрогрессии нашего, девятого уровня, приблизительно соответствует одной десятитысячной процента от общей численности популяции, что относительно численности населения Империи составляет миллион человек, то есть численность Гвардии. Так что все мы здесь – в гвардейских корпусах или действующем резерве.) Но хотя бы элементарных, нижних уровней. В конце концов, на каждом из миров, где мне пришлось побывать (а я побывал на таком их количестве, что большинству обычных граждан и не снилось), антропрогрессия входит в программу подготовки гражданского пилота олэера. Даже для получения прав пилота-любителя. То есть считается, что нижние уровни вполне доступны для каждого человека! А тут представители силовых структур... В какую же дыру я попал?

Третий наконец-то обнаружил свой парализатор у меня в руке и испуганно втянул воздух. Я покачал головой и снова предложил:

- Поговорим? – После чего встал, перегнулся через стол и засунул ему оружие в поясной контейнер. Повторения всех этих па-де-де с тыканьем парализатором в нос мне были совершенно неинтересны.

Некоторое время мы сидели, глядя друг на друга. Двое подручных, судя по ритму дыхания, уже полностью пришли в себя, но оставались на полу, угрюмо сверля мою спину тяжелыми взглядами. Похоже, они оценили уровень моей подготовки и совсем не горели желанием еще раз испытать ее на собственной шкуре. Что ж, разумный поступок. Они тут же поднялись в моем рейтинге на одну ступень. А их главный с первого раза не сумел сделать правильных выводов!

– Кхм. – Третий кашлянул, повел плечами, потом опустил руку и ощупал парализатор в контейнере на поясе, однако на этот раз не стал доставать его и положил руки на стол. – Кто вы такой? – нахмурив брови, солидно произнес он. Хотя в голосе явно чувствовалась растерянность.

– А вы?

– Я?!

Похоже, вопрос застал его врасплох. Он неуверенно покосился мне за плечо, явно подумывая, не отдать ли команду подчиненным стукнуть меня по затылку чем-нибудь тяжелым... ну или еще какую, потом в сомнениях потер подбородок и решил ответить:

– Старший уполномоченный особого отдела семьдесят пятой стрелковой дивизии старший лейтенант Башмет. – Сделал паузу, а затем вновь спросил: – А вы кто такой?

Я задумался. Естественно, я помнил, кто я такой, но вот как сюда попал и где находится это «сюда», не имел ни малейшего представления. А значит, самым разумным было действовать в соответствии с двенадцатым разделом наставления по специальным операциям. То есть до выяснения действительного положения дел нужно постараться дать минимум информации о себе.

– Честно говоря, совершенно не представляю. – Я скорчил эту самую виноватую рожу.

– Как это?! – Удивление старшего лейтенанта оказалось таким искренним, что я даже залюбовался. В наше время редко можно встретить столь яркие и незамутненные чувства. А особенно в нашей среде. Гвардейцев вообще зовут гранитными истуканами... Впрочем, если быть откровенным, контроль над эмоциями сыграл в этом прозвище далеко не ведущую роль.

– Понимаете, – начал я, – я помню, что был направлен командованием для выполнения секретного задания. Но как очутился здесь, у вас, а также кто я такой – как отшибло.

Это была импровизация; впрочем, согласно практике логически-компенсаторных построений, вполне стандартная и безопасная. Я говорю на их языке; при контакте продемонстрировал, во-первых, силу, во-вторых, дружелюбие (поскольку не воспользовался силой в целях, превышающих психологически обоснованные пределы необходимой обороны) и сообщил о задании командования. Ну должно же у них быть какое-то командование? Так что самый простой выход из этой ситуации для любого человека – признать меня за своего.

– А-а, – обрадованно протянул старший лейтенант Башмет, – понятно. Значит, вы наш разведчик?

Я молча кивнул. Психомоторика у них была близка к стандартной среднеимперской, и я рискнул предположить, что и основная невербалка также похожа. Хотя с этим нужно держать ухо востро. На западе сектора Глазьева есть несколько миров, где кивок означает «нет», а вращение головы из стороны в сторону как раз «да». А во многих восточных секторах «да» означает поклон, а кивок используется как приказ подойти. Именно приказ, потому что применяется только старшим в отношении младшего. А применение этого движения в отношении равного или старшего может быть расценено как оскорбление. Но сейчас я, похоже, не ошибся.

Старший лейтенант облегченно опустил руку к контейнеру с парализатором и наконец-то застегнул его, а затем перегнулся через стол и крикнул:

– Панасенко, Баля, а ну подъем! Чего разлеглись, как баре? Баля, быстро чайку нам с... Что, совсем ничего не помните, товарищ? Фамилию хотя бы?

Фамилию я помнил. Но старшему лейтенанту знать об этом было совершенно не обязательно. Кстати, а что такое «лейтенант» (слово «старший» затруднений не вызвало)? Звание или должность? Скорее звание, потому что на всех диалектах общеимперского, как правило, при представлении обычно ставится после должности. Знать бы еще, что оно означает. Да и сам диалект, на котором мы общались... Лингвистические способности не стояли в приоритетном блоке моего служебного профиля, поэтому я владел только шестнадцатью официальными языками Империи и полусотней диалектов – вполне средненький показатель для Гвардии. Но этот диалект общеимперского, хотя и был вполне понятен и достаточно просто раскладывался на логико-лексические блоки, благодаря чему я мог пользоваться им совершенно свободно, все-таки заметно отличался от всего, что я знал. Была в нем некая... архаика, что ли?

Дверь за моей спиной бесшумно распахнулась, а затем столь же тихо закрылась. И с планировкой у них здесь тоже беда. Очень просто определить состояние и количество дверей от этой камеры до выхода просто по движению воздушных потоков. Даже не задействовав другие способности. А ведь, насколько я понял, мы сейчас находимся в чем-то вроде тюрьмы. С такой подготовкой персонала и столь примитивным обустройством здания у них здесь побег должен идти за побегом...

- А вы, я вижу, из коминтерновских? - поинтересовался старший лейтенант.

Я улыбнулся. Озвученное им слово мне снова ничего не сказало, но улыбка - универсальная гримаса, которую люди оценивают так, как им кажется логичным. Одни - как согласие, другие - как приветствие, третьи - как призыв к общению, но почти всегда позитивно. Хотя, конечно, есть определенные ситуации, когда улыбка может сыграть и провоцирующую роль. Вот пусть сам себе и объяснит, что? я имел в виду, когда улыбнулся.

- Я сразу догадался, - удовлетворенно кивнул старший лейтенант. - Акцентик у вас заметный. Баля, ну где ты там?

- Та я зараз... - слышалось откуда-то, судя по некоторым особенностям, отразившимся в обертонах голоса, из столь же узкой каморки, находящейся метрах в семи дальше по еще более узкому коридору.

Ответ старшего лейтенанта удовлетворил. Он откинулся спиной на стенку и потянулся к карману брюк. Я осторожно напряг мышцы, чтобы суметь отреагировать в случае чего и чтобы при этом внешне ничего не было видно. Но на этот раз никакого оружия из кармана извлечено не было. На свет божий появилась странная четырехугольная коробочка, слегка надорванная в углу. На обращенной вверх стороне коробочки в нарочито аляповатом стиле, характерном для Тесея Анимiere и его последователей-олдпримитивистов, был изображен силуэт всадника на фоне заснеженных гор. А под ним красовалась крупная надпись «Казбек». Я немного удивился. Казбек был довольно известным миром и входил в Метрополию. Насколько я помнил, там базировался шестой гвардейский корпус. Да и Тай Идигов, лидер двенадцатой монады нашего батальона, был с Казбека...

– Ку?рите? – спросил старший лейтенант, протягивая мне коробочку, через надорванный край которой я разглядел внутри какие-то трубочки.

Я качнул головой. Незачем брать в руки то, с чем не умеешь обращаться. Во всяком случае, пока этого не требует ситуация.

– Не ку?рите? Ну да, вам же нельзя, – понимающе кивнул старший лейтенант.

Интересно, значит, то, что он назвал «ку?рите», похоже, составляет табу для представителей профессии, к которой он меня причислил. Как он ее обозвал? «Коминтерновских»?.. Я внимательно присмотрелся к его дальнейшим действиям. Старший лейтенант достал трубочку, смял пальцами один ее конец и засунул его в рот. С противоположного конца трубочка оказалась набита какой-то сушеной травой. Старший лейтенант достал еще одну коробочку, гораздо меньше первой, вытащил из нее деревянную палочку и, чиркнув по боковой стороне коробочки, извлек огонь. Поднеся огонь к набитому концу трубочки, он поджег траву, жадно втянул дым, а затем затушил деревянную палочку и, вытащив трубочку с тлеющим концом изо рта, выдохнул дым, так и не заметив, с каким ошеломлением я наблюдал за всеми его манипуляциями.

Бог ты мой! Здесь извлекают огонь, используя силу трения, сжигают чудовищно дорогую бумагу, изготавливают из драгоценного дерева совершенно утилитарные столы и табуреты, а не жутко дорогие эксклюзивные экземпляры авторской мебели, и при этом я нигде не заметил ни кусочка лопласта!.. Так куда же я все-таки попал?

Дверь за моей спиной неожиданно скрипнула, и голос того, кого старший лейтенант именовал Баля, радушно произнес:

– А вот зараз и чаёк. Я туточка еще и батерфродов зробыл, товарищу старший лейтенант.

– Не батерфродов, а бутербродов, – отозвался тот. – Ну сколько еще тебя учить?

– Та я их кляту немецку мову не розумию, – добродушно повинился Баля. – Вечеряйте.

– Угощайтесь, товарищ коминтерновец, – радушным жестом указал на стол старший лейтенант. – Вы же у нас четыре дня без памяти провалялись. Вас пограничный наряд еще восемнадцатого утром у Буга обнаружил. Совсем без сознания. И голого. Это вас уже здесь в гимнастерку и бриджи обрядили. А сапоги так и не подобрали, размерец великоват. – Он хохотнул, и я машинально тоже растянул губы в улыбке.

Все, что я увидел и осознал, пока не укладывалось у меня в голове. Потому что все это очень напоминало любимый анекдот сисанов... ну, про потерянную колонию. Ничем иным столь низкий уровень развития технологий пока объяснить было невозможно.

– Вы как чаёк любите, вприкуску или размешать? – заботливо поинтересовался старший лейтенант.

Я снова улыбнулся, сгреб со стола чашку и отхлебнул. Напиток был горячий, навскидку градусов около девяносто пяти. Язык немного защипало, но, в общем, температура была как раз что надо. На вкус напиток напоминал обычный черный тии.

– Вообще без сахара пьете? – Старший лейтенант уважительно качнул головой. – Видно, с гражданской привыкли. У нас начальник отдела тоже часто без сахара пьет. А иногда вообще зверобой заваривает. Говорит, как на гражданской привык, так до сих пор нравится. А насчет сапог не беспокойтесь. Я завтра Панасенко на корпусные склады пошлю – подберет. Вернее, какое завтра? Завтра ж выходной, воскресенье. То есть... – он задрал рукав своей тужурки и бросил взгляд на что-то типа наручного многофункционала, вселив в меня надежду, что анекдот может оказаться просто анекдотом, – уже сегодня. Почти половина четвертого. – Он смущенно улыбнулся. – У нас неделю как ввели усиление, по ночам обязательно дежурит один сотрудник, так я вот и решил, пока ночь, вами заняться. Мы ж вас за немецкого шпиона принимали. Из особого отдела округа шифровка пришла. Об усилении бдительности. Вот я и... – Он протянул руку, сгреб со стола некое устройство из металла со вставленной внутрь стеклянной емкостью, в которую уже был налит этот тии-чаек, и сделал глоток. – Хух!..

Судя по тому, как его перекорежило, температура напитка в его приспособлении зашкаливала за сто десять градусов. Наверное, это устройство предназначалось для доведения уже готового напитка до необходимой температуры. Просто у

него оказался случайно сдвинут регулятор. И эта мысль позволила мне еще на шаг отойти от анекдота. Ну мало ли... Может, добывание огня трением и изготовление мебели из дерева просто местные традиции. На Баскии, например, до сих пор не используют стандартные дозаторы, предпочитая разливать сидр в жутко дорогие стеклянные бутылки и наливать его вручную, держа стакан в опущенной руке, а бутылку в высоко задранной другой. Потому что сидр, видите ли, перед употреблением надо «разбить о стенку стакана». Поэтому сидр с Баскии стоит едва ли не в десять раз дороже любого другого. Я пил и тот, и обычный и могу сказать, что разница никак не соответствует цене.

– Баля, мать твою! – рявкнул старший лейтенант. – Я тебе сколько раз говорил, не наливай мне кипяток!

– Так то ж чаёк, товарищу старший лейтенант, – послышался недоуменный голос Бали. – Як же его тепленьким пыти? То ж помои!

Я снова подхватил со стола чашку и глотнул. А затем потянулся за бутербродом. Все услышанное предстояло хорошенько обдумать.

– Как следует покормить вас мы сейчас, ночью, не можем. Но я с утра пошлю Панасенко на кухню столовой комсостава. Он вам чего-нибудь поосновательней принесет. А уж в понедельник доложим о вас по команде...

Я снова кивнул:

– Спасибо, старший лейтенант.

– Разрешите поинтересоваться, – продолжил он, когда его устройство для поддержания температуры напитка опустело почти наполовину, – а вы родом из каких краев будете? Очень у вас акцентик интересный.

Его попытка разговорить меня выглядела очень неуклюже.

– Я же тебе сказал, лейтенант, – отозвался я, – не помню ничего. Вот передашь меня по команде, залезут там в базу данных и всё узнают.

– В архивы, что ли? – не понял он сразу, а затем важно кивнул. – Это точно. Всё как есть установят. У нас с этим строго. Я вот в прошлом месяце одного майора на этап оформлял... скрытым немецким шпионом оказался, сволочь! Так столько бумаги извел – просто ужас. Наш начальник за любую бумажку три шкуры дерет... старая школа!

Я сделал еще один глоток. «Бумаги»... У них здесь что, нет электронного документооборота?! Или опять традиция? Да сколько же здесь тогда традиций получается?

– Да вы ешьте, товарищ коминтерновец, ешьте, – радушно подвинул мне тарелку с бутербродами старший лейтенант. – За четыре дня, верно, шибко проголодались.

– Организм в состоянии отключенного сознания расходует приблизительно в четыре – шесть раз меньше ресурсов, чем обычно, – машинально пояснил я. – А без пищи человек даже в активном состоянии может существовать два... от двух недель до месяца, в зависимости от особенностей метаболизма.

Вот черт, едва не ляпнул «два года»! Это же все равно, что прямо представиться: я – гвардеец. Об особенностях нашего метаболизма и так ходит много легенд, но в данном случае медики утверждают, что это правда. Хотя я не знаю ни одного гвардейца, которому пришлось бы проверить утверждение на собственной шкуре. Дольше всего голодала монада Ига Каллепо из второго гвардейского корпуса, но их нашли и сняли с аварийного транспортника всего после девяти стандартных месяцев. К тому же у них был при себе стандартный полевой недельный сухпай, который вполне способен восполнять расходуемые ресурсы организма, находящегося в медитативном состоянии, на протяжении пяти месяцев. Что с учетом посменного дежурства дает уменьшение фазы пищевого дефицита вообще до четырех с половиной месяцев.

Старший лейтенант уважительно качнул головой:

– Да уж, сколько вы знаете...

Я дружелюбно усмехнулся. Я знаю гораздо больше, молодой человек, но вам пока сообщать об этом не собираюсь. Кстати, интересные у них тут бутерброды. Хлеб из смеси ржи и пшеницы, очень похожий на тот, что подается в наших

ресторанах на День тезоименитства, а сверху нечто соленое, белого цвета, на вкус напоминающее концентрированный жир. Да и по реакции организма ясно, что вещь очень калорийная. Съел всего два, а голова уже заметно потяжелела. Чувствуется отток крови к желудку. Похоже, мне предложили продукты из специального пайка, предназначенного для быстрого восстановления ресурсов ослабленного организма.

- Ну, вам теперь отдохнуть надо, товарищ коминтерновец, - спохватился старший лейтенант, когда бутерброды и тии-чаёк закончились. - К тому же, - он не смог сдержать зевков и прикрыл рот ладонью, - это мы привычные к ночной работе, а вам, наверное, уже и спать хочется?

Отдыха мне не требовалось. Судя по результатам экспресс-диагностики, которую я провел, попивая чаёк, мой организм находился в отличном состоянии. Не учитывая, конечно, синяка на правой скуле, возникшего в результате удара, благодаря которому я и очнулся. Но повреждение периферийных тканей лица не было тем фактором, который стоило принимать во внимание. Тем более что заживление уже шло, и через пару часов от синяка не должно было остаться ни малейшего следа. Однако собранную за этот час информацию стоило обдумать и систематизировать. Поэтому я кивнул:

- Спасибо. Не помешало бы.

- Я бы вам постелил поудобнее, но пока белья взять неоткуда, да и не могу я вас из камеры перевести. Вот начальник в понедельник появится, тогда и... - Старший лейтенант виновато улыбнулся.

- Ничего страшного, - успокоил я его, поднимаясь. - Не все ли равно, где спать?

- Это точно. - На его лице явно проступило облегчение. Похоже, он очень опасался, что я начну его психологически прессовать и, как говорится, качать права.

- Панасенко, Баля!..

Спустя несколько секунд дверь отворилась, и в проеме нарисовались эти двое из ларца. Причем с лица они действительно были одинаковы. Оба круглолицые, уже слегка лысоватые, с крупными, мясистыми губами и носами картошкой.

Только один, которого старший лейтенант называл Баля, был белолиц и конопат, а лицо второго было загорелым.

– Баля, прибери тут. Панасенко, проводишь товарища коминтерновца в его камеру. И брось туда шинель, даже пару брось!..

– Слухаю, товарищу старший лейтенант, – гулко отозвался Панасенко. (Голоса у них все-таки были разные...)

Камера оказалась точно такой же каморкой, как и та, в которой я очнулся. Единственная разница заключалась в том, что прямо под окном стояло помятое металлическое ведро, запах, шедший из него, не вызывал сомнений в его предназначении, а к стене была прикреплена во всю ее длину деревянная, обитая железом полка. Она была зафиксирована в закрытом состоянии грубой железной щеколдой, запертой на примитивный висячий замок.

– Я зараз, – суетливо отозвался Панасенко и, протиснувшись мимо меня, загремел ключами, а затем торопливо откинул полку, которая повисла на двух вполне прочных на вид цепях.

Да уж!.. Получившееся ложе сложно было считать образцом комфорта. Любящие судиться со всеми подряд жители сектора Атлантис, если предложить им отдохнуть на подобном, пожалуй, тут же выставили бы счет муниципалитету или местному правительству (кто его знает, в чьем ведении тут находятся тюрьмы) за «применение бесчеловечных пыток». Но выбирать особо не приходилось. К тому же гвардейцам случается отдыхать и в гораздо более сложных условиях. Так что я спокойно вошел внутрь.

– Сей секунд шинельку принесу, товарищу кохминтерновиц, – извинился Панасенко, выскакивая в коридор. – А вы пока лягайте, лягайте...

Я воспользовался советом и, протиснувшись вдоль стены, до которой при разложенной полке осталось пространство шириной едва ли с полтора моих кулака, аккуратно опустился на это явно неэротическое ложе.

Полка слегка скрипнула, но мой вес приняла вполне благосклонно.

– Ось так, – удовлетворенно закивал Панасенко, вновь появившись в камере и набрасывая на меня шинель.

Но я его уже почти не слышал. Надо было как следует проанализировать информацию, для чего лучше всего подходит состояние разделенного сознания. Когда на первом уровне анализируется то, что принято как факты, на втором – степень достоверности этих условных фактов по косвенным признакам, на третьем – особенности строения речи, языка, невербальные реакции и так далее. Соответственно при такой загрузке мозга реакция на внешние раздражители крайне затруднена, и находиться в подобном состоянии я могу около полутора часов. И лишь затем наступает время нелинейной логики... Я, конечно, не штатный сисан, но любой гвардеец раз в три года в обязательном порядке прикомандировывается к группе системной аналитики на срок не менее пяти месяцев. Причем группы все время меняются. Я, например, начинал с финансово-экономической. Потом была политико-соционическая, военно-промышленная, торгово-логистическая, эколого-демографическая и многие другие. Так что навыками всего спектра системного анализа я владел. И единственное, что мне сейчас было нужно, – это пара-тройка часов свободного времени. Но мне его так и не дали...

Глава 1

– Товарищ командир, а куда тушенку девать?

Я отнял рушник от лица и повернулся к старшине Гарбузу:

– Старшина, я тебе кто?

– Командир, – уверенно отозвался тот.

– А ты кто?

– Старшина, – так же уверенно сообщил Гарбуз.

– Так что ты меня старшинскими вопросами достаешь?

Гарбуз озадаченно почесал в затылке.

– Так ведь... мало ли что?

– Мало тебе будет, когда я разозлюсь, – пообещал я...

Нет, ну что за армия? Все, начиная с младших командиров и заканчивая старшими начальниками, о чьих действиях мне удалось хоть что-то узнать, совершенно лишены инициативы. Первое, чем занялись большинство командиров после внезапного нападения врага, которого здесь называли странным словом «немцы» (их можно было назвать как угодно, но не немцами), так это... впали в оцепенение. Максимум, на что оказались способны командиры среднего звена, – это на отдачу приказа: «Без паники. Не поддаваться на провокации!» Ну, за исключением тех, по кому непосредственно стреляли. Остальные, совершив элементарные действия, предусмотренные уставами, будто впали в спячку, даже не попытавшись организовать взаимодействие с соседями, связаться со средствами усиления и сделать хоть что-то из того, что должен делать любой командир в армии, подвергшейся нападению. А те, у кого по тем или иным причинам в момент нападения имелся доступ к примитивным средствам связи, называемым здесь телефонами, принялись отчаянно названивать в вышестоящие штабы с сакраментальным вопросом «Что делать?». Адекватно отреагировали считанные единицы. И ведь, насколько мне удалось сравнить в паре уже состоявшихся с моим участием схваток, уровень индивидуальной подготовки и нападающих, и подвергшихся нападению был вполне сопоставим. Вооружения у пострадавшей стороны также хватало. И боевые характеристики вооружения были вполне на уровне. Ан нет! В общем, яркая иллюстрация любимой пословицы командира нашего батальона: «Стадо баранов, возглавляемое львом, стократ опаснее стада львов, возглавляемых бараном».

Я даже немного подсадовал, что слепой случай привел меня на эту, а не на ту сторону. Присоединиться к победоносной стороне было бы намного приятнее. Впрочем, теоретически возможность сменить сторону существовала до сих пор. Но к перечню обоснований, которые удерживали меня на этой стороне, не так давно прибавилось еще одно – диалект нападавших гораздо дальше отстоял от общеимперского. А я уже как-то привык, что те, кто говорит на диалекте, слишком отличающемся от общеимперского, во-первых, неизменно проигрывают

и, во-вторых, чаще всего выступают в качестве противника. К тому же успех в начале войны – еще далеко не победа...

Из разрушенного бомбежкой здания тюрьмы, в котором находился, я выбрался спустя двадцать минут после начала налета. Судя по звуку, противник использовал авиабомбы калибра не более 0,00005–0,0001 килотонны стандартного эквивалента. Причем точность поражения целей была крайне низкой. Большая часть боезапаса просто наделала воронок в земле, не попав ни в какую значимую цель. И от этого у меня вновь екнуло под ложечкой. Похоже, здесь пользовались неуправляемыми боевыми блоками, а это означало, что степень деградации данного мира дошла до крайних пределов. Дальше только каменный топор... ну, примерно.

Я оглянулся на развалины. Кажется, все трое моих визави оказались погребены под обломками. А ведь возможность успешной эвакуации из разрушенного здания по моим приблизительным подсчетам составляла не менее восьмидесяти процентов. Хотя пятьдесят пять процентов из них приходились на используемый противником тип боеприпаса. Если бы нападающие использовали боеприпасы объемного взрыва или гравиконцентраты, возможность эвакуации упала бы до критических для выживания двадцати пяти процентов. Впрочем, для старшего лейтенанта Башмета и двух его подчиненных она уже и так являлась равной нулю...

Из зенита слышалось странное, вибрирующее завывание. Я поднял голову. На группу зданий, между развалинами которых я сейчас находился, с явно атакующими намерениями заходила группа странных летательных аппаратов. Таких очертаний я еще не встречал. По первому впечатлению для удержания в воздухе они использовали примитивные аэродинамические поверхности. И это был еще один факт в копилку моего негатива. Впрочем, особенно рассуждать было некогда. Похоже, именно эти примитивные летательные аппараты швырялись теми самыми неуправляемыми боевыми блоками, и сейчас мне на голову должна была посыпаться новая партия.

Я отследил траекторию, прикинул возможный угол разлета блоков, покосился на воронки, на глазок определив радиус поражения взрывной волной и осколками, и неторопливым шагом отошел за угол здания. Едва я присел на траву, как за спиной раздались громкие взрывы. Я прислушался: да, эквивалент посчитан правильно. Чрезвычайно примитивные боеприпасы...

Бомбежка закончилась примерно где-то через полчаса. И спустя несколько минут из развалин домов начали появляться люди. Они выглядели бледными, испуганными и постоянно пялились на небо. Все облачены в разные варианты той одежды, что была на Башмете и его подчиненных. Похоже, это все-таки форма. Я поднялся, выбрал из десятка появившихся наиболее представительного и приблизился на расстояние, когда мне обращаться к нему будет еще рано, а ему игнорировать мое появление будет уже психологически трудно. Поскольку стандартной формы воинского приветствия в армии я не знал, самым разумным было создать условия, чтобы он сам обратился ко мне. Так и произошло.

– Эй, ты кто такой, откуда?

Я молча указал рукой на развалины. Видимо, я нарушил принятые формы обращения, но в данной ситуации мою неадекватность скорее всего спишут на шок или контузию.

– На губе, что ль, сидел?

Я осторожно кивнул. «На губе»? Хм... Наверное, жаргон.

– Товарищ дежурный по штабу, – подлетел к человеку, с которым я разговаривал, какой-то чрезвычайно мелкий тип с округлившимися от страха глазами и взъерошенными волосами. – Секретную часть разбомбило!

– Да тут весь штаб разбомбило, Журавлев, – раздраженно отозвался мой собеседник, – а ты тут со своей секретной частью!

– Так там это... сейфы вдребезги! – еще больше вытаращив глаза, сообщил Журавлев. – И секретные документы ветром разносит.

– Что-о-о?! – в свою очередь вытаращился мой собеседник. – Так что ж ты стоишь-то? Бегом давай! А ну все сюда! Спасать секретные документы!

И мы побежали за мелким Журавлевым...

Следующие полчаса мы дружно гонялись за разносимыми ветром бумагами и стаскивали их в укромный уголок между кучей щебня и куском еще стоящей стены. Там сидел Журавлев и запихивал принесенные папки и кипы отдельных листов себе под зад, усаживаясь на них, словно наседка. Из подобранных бумаг я успел понять довольно много. Хотя времени вчитываться в них у меня не было, да и делать это было довольно неразумно. В конце концов, они представляли собой секретные документы, и бывший арестант, внимательно изучающий их, явно должен был вызвать вполне обоснованные подозрения. Но мне достаточно бросить один взгляд на подобранный лист, чтобы зафиксировать в памяти не только сам текст, но и фактуру бумаги, тип и глубину шрифта, форму и содержание оттисков печатей и иные структурные элементы документа. Конечно, для того чтобы полностью разобрать и разложить их на составляющие, а также оценить каждую и проанализировать на соответствие с остальными, а также с информацией, полученной из других источников, мне требовались время и более спокойная обстановка. Но зачем сожалеть о том, что в данный момент недостижимо?

Сейчас имелась возможность собирать информацию, ее и следовало использовать, а анализировать будем позже. Тем более что предварительный анализ уже выявил кое-какие новые пробелы, которые необходимо будет восполнить в ближайшее время. Существенную часть секретных документов составляли приказы и планы действий, но пока никакой привязки к местности все эти упоминания населенных пунктов, железнодорожных станций, местных речек и озер в моей голове не имели. Еще следовало отметить, что письменный язык также оказался излишне архаичным и усложненным. Но вполне понятным.

Командир войскового соединения, носящего наименование стрелковой дивизии, прибыл через час. К тому моменту среди развалин, в которых, как мне удалось выяснить, ранее дислоцировался штаб этой дивизии, уже вовсю кипела жизнь. Как, впрочем, и к западу от них. Там даже, пожалуй, жизнь кипела куда более бурно: слышались непрекращающаяся канонада и те самые завывания, указывающие, что наземные войска постоянно подвергаются атакам летательных аппаратов, подобных тем, что разрушили штабной городок. К моменту прибытия командира мы уже собрали все разлетевшиеся документы секретной части и начали разбирать завалы, извлекая из-под них раненых и убитых, а также всевозможную утварь и предметы, скорее всего являющиеся оружием.

Как я понял, местная армия была оснащена оружием, поражающее действие которого основано на кинетическом принципе. Причем разгон снаряда осуществлялся созданием давления в камере путем сгорания химических веществ с высокой скоростью горения. Да уж... До сих пор я считал, что самым примитивным ручным оружием, с чем пришлось столкнуться, являются боевые химические лазеры, которыми повстанцы на Лatee пытались сражаться с войсками наместника (против нас они их использовать не решились – сразу сдались). Но теперь я понял, что ошибался...

Командир тут же принялся орать, махать руками, в одной из которых был зажат предмет, похожий на оружие старшего лейтенанта Башмета. Я уже не рисковал именовать его парализатором, ибо скорее всего это был ручной вариант стандартного местного оружия. Командир орал на всех, кто подворачивался ему под руку, при этом довольно часто употребляя слова «под трибунал» и «расстреляю». Последнее было мне понятно, так что и первое выражение я решил до уточнения считать неким вариантом казни в полевых условиях. Главная претензия начальства состояла в том, что ему немедленно, срочно, еще час назад требовалась связь со штабом корпуса. При этом он отчего-то заиклился на единственном способе связи, требуя немедленно восстановить «линию», и не удосужился даже хотя бы отправить посыльного. А кроме того, его почему-то не слишком заботила связь с подчиненными подразделениями, с соседями, а также получение оперативных данных о развитии ситуации на поле боя. Я просто не понимал, как столь некомпетентный человек может занимать командную должность столь высокого ранга...

К тому моменту из развалин здания «губы» (как выяснилось, это слово означало не часть лица, а именно здание, в котором меня допрашивали) были извлечены тела всех троих моих недавних знакомых. Старший лейтенант Башмет был еще жив, но, поскольку не обладал способностями хотя бы третьего уровня антропрогрессии (а о существовании полевых регенерационных капсул здесь, судя по всему, даже не догадывались), жить ему осталось очень недолго. Я отнес его к полуразрушенной стене здания, куда сносили всех раненых, и им тут же занялись несколько женщин в странных белых балахонах, ничем не напоминающих обтягивающие тело, будто перчатка руку, комбинезоны наших медиков. Но специальный значок здесь оказался совершенно таким же – красный крест. Баля и Панасенко были мертвы...

Лихорадочная деятельность по разбору завалов оказалась прервана очередным налетом, начавшимся минут через десять после того, как прибыл командир

соединения. Похоже, противник использовал станции засечки командирских планшетов... или просто совпало? Едва сверху послышалось завывание моторов, все бросились врассыпную. Кто куда. Что за дурацкая организация? Я даже закричал зубами от досады. Ну ладно, заранее не были подготовлены укрытия (хотя за одно это коменданта и командира группы обеспечения работы штаба уже стоило отстранить от командования), но не выставить наблюдателей из числа способных прикинуть траекторию падения блоков с учетом возможного рассеивания, не определить сектора, не сформировать группы огневого противодействия?! Они же используют неуправляемые боевые блоки! Да три-четыре подготовленных стрелка даже с этим примитивным оружием способны если не подбить (тут я предполагать не берусь, кто знает, какой у этих летательных аппаратов уровень бронирования), то по крайней мере массированным огнем по лобовой проекции сбить с траектории любой подобный летательный аппарат. При продемонстрированной ими маневренности и скорости, в разы не дотягивающей даже до звуковой, – плевать задача!

Я прикинул траекторию и быстро отбежал к одинокой воронке шагах в сорока от развалин. Туда попал один блок, взрывной волной переломивший ствол дерева, сильно напоминающего обычный бук. Дерево упало так, что перекрыло половину воронки, создавая дополнительную защиту. Если честно, я заметил это укрытие, еще когда ковырялся в развалинах, прикинув, что, если летательные аппараты появятся с того же направления, что и в первый раз, эта воронка должна попасть либо на границу, либо вообще вне сектора возможного рассеивания. А вот большинство, похоже, руководствовались лишь глубиной укрытия, явно расположившись едва ли не по оси зоны вероятного поражения. Впрочем, когда я в последний раз окинул взглядом всю диспозицию, у меня закралась мысль, что они вообще ничем не руководствовались, а просто попрыгали кто куда... Очень странно. Похоже, в этой армии вообще не представляли себе, что существуют методики развития психологической устойчивости и правила оценки обстановки.

Первая серия блоков легла как раз туда, где укрылось от налета большинство народу. Пыль, поднятая разрывами, мгновенно заволочла все вокруг, так что, когда из этой непрозрачной мути выскочил мелкий Журавлев, я не сразу понял, что в нем не так. Он бежал, широко разинув рот, и, похоже, считал, что громко кричит. Но кричать он вряд ли мог, потому что его горло и грудная клетка были вскрыты осколком, будто лазерным скальпелем. А еще у него не было левой руки. Он пробежал три шага и рухнул плашмя на землю.

Я поднял голову. Летательные аппараты заходили на второй круг. Я вздохнул. Наверняка следующим заходом они накроют оставшихся. Следовательно, никакой информации я здесь больше получить не смогу. Во всяком случае, от живых. Или надо поторопиться?.. Я выскочил из воронки и нырнул в пыльную муть. Через одиннадцать шагов наткнулся на человека, который брел навстречу, шатаясь и держась за голову. Рассусоливать времени не было, поэтому я вырубил его коротким ударом и, подхватив на плечо, ринулся обратно в свою воронку.

Едва успел. Когда мы с моей ношей занырнули под поваленный ствол бука, земля содрогнулась от следующей серии взрывов. Я торопливо скинул тело с плеча и прижал его к земле, накрыв собой. Неуправляемые блоки – это такая гадость, всегда один-два могут выйти за пределы рассчитанного радиуса рассеивания, а у меня регенерационные способности всяко лучше, чем у обычного человека, даже владеющего нижним уровнем антропоэволюции. Не говоря уже о местных...

Весь налет длился минут двадцать – двадцать пять. Когда завывание моторов летательных аппаратов стихло в яркой синеве летнего неба (а может, у них сейчас еще весна; осень вряд ли – вон какая листва на деревьях), я выбрался из воронки и осмотрелся. Пыль, поднятая взрывами, медленно оседала на землю. Вокруг валялись изуродованные тела. И их отдельные части. Особенно густо они лежали там, куда мы отнесли раненых, извлеченных из-под развалин. У меня даже мелькнула мысль, что пилоты летательных аппаратов специально целились именно сюда. Уж больно много здесь было воронок. Да нет, не может быть!.. Убийство некомбатантов, раненых и медицинского персонала во все времена являлось одним из тягчайших военных преступлений. Не могут же они одичать настолько, чтобы забыть о базовых этических ценностях. Тогда бы они просто не сумели создать столь сложно структурированное общество. Ведь оно требует слишком высокого уровня сотрудничества и довольно сложной системы разделения труда. А это подразумевает развитые морально-этические системы. Пока сообщество человекообразных существ находится на этапе допустимости каннибализма, оно редко покидает уровень родоплеменного развития...

Откуда-то слева послышался стон. Я пошел на голос. За кучей битого щебня обнаружилась одна из женщин, оказывавших помощь раненым. Я наклонился над ней.

– Пи-ить, – еле слышно попросила она.

Я огляделся. Где тут взять воду? Сквозь оседающую муть кирпичной пыли были видны только груды развалин. Я снова перевел взгляд на женщину. В принципе вода ей была не нужна. У нее отсутствовала вся нижняя половина туловища, включая ноги, и под тем месивом, которое представлял собой низ ее тела, уже натекла здоровенная лужа крови. Скорее всего ее желание пить было результатом резкого обезвоживания организма, вызванного столь большой кровопотерей. Пожалуй, самым милосердным будет помочь ей уйти. Я наклонился над ней и ласково погладил по щеке, успокаивая и примериваясь к сонной артерии. Но она уже никак не отреагировала на мой жест. Я убрал руку и выпрямился. Моей помощи не потребовалось...

К своей воронке я вернулся в довольно задумчивом состоянии. Во многих подразделениях территориальных войск женщины служат наравне с мужчинами, но в Гвардии существует принцип: не использовать женщин в боевых подразделениях. И теперь я, кажется, ясно осознал, откуда его истоки. Всегда тяжело, когда у тебя на руках умирает человек, но когда этот человек – женщина...

Спасенный мной уже пришел в себя и выбрался из воронки. Когда я подошел, он сидел на поваленном дереве, уставившись в одну точку, и бормотал:

- Погибли... все погибли... все... погибли...

Да уж, похоже, с тренингами по психологической устойчивости в этой армии дело обстояло совсем швах.

- Эй, как тебя зовут? – тихонько позвал я.

- Побили... всех... все погибли... – продолжал бормотать спасенный.

Я вздохнул, а затем... со всего размаха залепил ему оплеуху. Он брыкнулся на землю, а я тут же выпрямился перед ним, приняв некое подобие строевой стойки, и заорал:

- Встать! Имя, должность, звание? Быстро!

Парень суетливо вскочил на ноги.

– Старший сержант Головатюк, командир второго отделения комендантского взвода, товарищ командир! – бодро отрапортовал он.

Я кивнул:

– Хорошо. Ранен?

– Трохи, – испуганно отозвался тот, и его рука дернулась к голове.

– Сядь, – приказал я.

– Есть, товарищ командир. – Парнишка послушно бухнулся на поваленное дерево.

Я осмотрел его голову. Царапина. Хотя может быть контузия. Я осторожно прощупал подушечками пальцев сосуды головы, прослушивая изменения пульса, затем развернул его лицом к себе и оттянул веко, рассматривая роговицу. Вроде бы контузии нет, только сильный стресс. Эх, как сложно с не владеющими хотя бы нижними уровнями антропрогрессии.

– Чепуха. Не помрешь.

– Так точно, товарищ командир, – отозвался старший сержант уже гораздо более бодрым голосом, а затем, помолчав, робко спросил: – А это немцы на нас напали?

Я молча сделал некое круговое движение головой, что могло означать как согласие, так и все что угодно. Пусть сам расценит в соответствии с его собственным видением ситуации.

– Но... как же так? – растерянно забормотал парень. – Товарищ Сталин же говорил, что... у нас с ними договор... что нельзя поддаваться на провокации, что... малой кровью, на чужой территории...

Я некоторое время внимательно слушал его. В этом бормотании, на взгляд обычного человека совершенно хаотичном и бессвязном, на самом деле содержалось немало полезной информации. И если ее сопоставить с теми

сведениями, что я запомнил из разрозненных листов секретных документов, которые мы собирали, обрывков разговоров и всего остального, уже можно выстроить кое-какие логические цепочки, способные помочь мне лучше сориентироваться в происходящем.

– Ладно, – через некоторое время прервал я сержанта. Не столько потому, что устал слушать его бормотание, сколько оттого, что ценность получаемой информации резко снизилась: парень начал повторяться. – Нам пора двигаться, старший сержант. Значит, собери и проверь оружие и боеприпасы, а я... – я покосился на свои босые ноги, – подберу себе кое-что из обмундирования.

Это слово я слышал от дежурного по штабу. Насколько я уже разобрался в терминологии, слово «штаб» здесь обозначало командную монаду. Ну а слово «дежурный» и в Империи означало то же самое, что и здесь.

– Есть, товарищ командир.

Рука сержанта снова дернулась к голове, и я подумал, что у него приступ головной боли, даже успел ругнуть свои диагностические способности, но затем сообразил, что это, наверное, был какой-то очередной воинский ритуал. Причем, похоже, парень выполнил его как-то неправильно. Потому что смутился и пробормотал:

– Виноват, товарищ командир, пилотку потерял, – после чего развернулся и, тяжело бухая сапогами, побежал в сторону развалин.

Обувь я себе подобрал как раз с ноги командира дивизии. Его тело лежало шагах в сорока от остальных и выглядело почти целым. Только под головой натекла лужа крови. Осколок, пробивший ему череп, был довольно маленьким, да и ударил в голову на излете, поскольку выходного отверстия мне обнаружить не удалось. Размер ноги у командира дивизии оказался практически таким же, как у меня, да и качество обуви по сравнению с остальными парами, которые я пытался примерить, также было заметно выше. Кроме того, тело командира дивизии поделилось со мной ремнем с ляжкой через плечо – я заметил, что ремень является неременной принадлежностью местной формы одежды. На ремень также был надет контейнер для оружия, которым командир размахивал перед носом у дежурного по штабу, когда грозил его расстрелять. Самого оружия я не обнаружил. Похоже, командир потерял его во время налета. После

чего я перешел к более масштабному мародерству.

Я заканчивал разбирать содержимое карманов убитых, не слишком изуродованных взрывами, когда из-за кучи битого щебня вывалилась погромыхивающая фигура. Это оказался старший сержант, буквально увешанный оружием.

– Товарищ командир, – с натугой доложил он, дотащившись до меня, – ваше приказание выполнено. Вот. С ружьепарка комендантского взвода взял. У нас третье отделение в субботу в полном составе в местный колхоз отправилось. Для оказания, так сказать, шефской помощи. Так что все их вооружение на месте. Даже «дегтярь». – Он взмахнул массивным устройством с широким круглым блином сверху.

Я молча кивнул, внимательно разглядывая всю эту грудку железа, порядок обращения с которой представлял для меня абсолютную загадку. Впрочем, дело было поправимым.

– Отлично, Головатюк. Все исправно? Проверял?

– Никак нет, осмотрел только.

– Ну так проверь! – сердито рявкнул я. – Оружие, считай, из-под завалов.

Парнишка дернулся и озадаченно закрутил головой:

– Так ведь это, пулеулавливатель-то разбило...

Я укоризненно вздохнул и ткнул рукой в сторону приближающейся канонады.

– Они что, тоже в пулеулавливатели палят? Эх, Головатюк...

Парень стушевался:

– Виноват, товарищ командир, привык. Я сей момент...

Он шустро сгрузил на землю весь арсенал и, вытащив из кармана аналог ручного оружия, которым размахивал командир дивизии, зажмурил один глаз и сделал несколько выстрелов в грудку кирпича, целясь в верхний. Каждый выстрел сопровождался резким рывком руки и выбросом маленьких пустотелых металлических цилиндриков.

- Дай-ка сюда, - попросил я и первым же выстрелом расколол кирпич, в который метил сержант, на несколько кусков.

- Эк вы... - удивленно качнул головой он. - Даже не целились.

Я осмотрел оружие более внимательно. Никаких прицельных приспособлений на нем не имелось, только какие-то непонятные выступы на верхней части массивного кожуха, охватывающего ствол. Да и на кой черт прицел на таком расстоянии? Тут камнем докинуть можно.

- Дальше проверяй, - приказал я, укладывая оружие в контейнер на поясе.

Судя по тому, что при выстреле выбрасывались маленькие цилиндрики, боезапас у него был ограниченным и требовал пополнения. Но каким образом это делается, я пока не знал. А продемонстрировать свое незнание перед старшим сержантом не собирался.

Головатюк последовательно отстрелял еще семь единиц оружия разного вида, позволив мне собрать достаточно информации о том, как с ними обращаться. Два из них показались мне довольно глупыми. В том числе и тот самый «дегтярь», к которому старший сержант явно испытывал неподдельное уважение. Он даже погладил его по прикладу и ласково произнес: «Добрый пулемет».

«Дегтярь» вел огонь длинными очередями и давал просто чудовищное рассеивание. Причем, судя по демонстрируемому невербальному комплексу реакций и особенностям интонаций сержанта, именно свойство вести огонь очередями отчего-то считалось главным преимуществом данного образца. Что было мне совершенно непонятно. Выпускать чудовищное количество боезапаса не в цель, а, так сказать, в сторону цели в надежде, что какие-то доли процента его куда-нибудь попадут?! Да при таком подходе эта армия должна быть просто связана по рукам и ногам линиями снабжения.

Впрочем, благодаря такому подходу именно «дегтярь» имел наиболее адекватный боезапас и систему автоматической перезарядки. А отсекать по одному-двум выстрелам несложно было, просто контролируя время нажатия на спусковой крючок. Поэтому «дегтярь» я забрал себе, оставив старшему сержанту второй образец скорострельного вооружения под названием ППД. Он был предназначен под боеприпас с гораздо меньшей дульной энергией, и поэтому его поражающие элементы имели явно более параболическую траекторию и заметно меньшую убойную дальность.

Кроме того, мы вооружились длинноствольным образцом с ручной перезарядкой, дающим гораздо большую кучность, под названием «винтовка» и двумя одноручными образцами, имеющими такое техногенное обозначение ТТ. Старший сержант также принес наспинный матерчатый контейнер под названием «сидор», наполненный пачками с боезапасом, именуемым «патроны», и десятком метательных осколочно-фугасных зарядов, именуемых «лимонки». Их он, естественно, испытывать не стал, но пока возился с винтовкой, я быстро осмотрел заряды. На первый взгляд все было понятно, хотя и излишне усложнено. Для использования этого вида оружия нужно было разогнуть усики проволочного фиксатора предохранителя, выдернуть его за кольцо и бросить заряд в противника. Далее «лимонка» скорее всего срабатывала от удара, поскольку никакого таймера задержки срабатывания я не заметил. Да и регулятора радиуса поражения тоже. Однако на всякий случай решил уточнить:

– А ну-ка, Головатюк, доложи мне тактико-технические данные данного образца оружия.

– Так это, – с готовностью начал он, – оборонительная граната Ф-1, в просторечии «лимонка». Вес – шестьсот граммов. Разлет осколков до двухсот метров. Время горения замедлителя – три и две десятых, три и восемь десятых секунды.

Хм... значит, взрыватель не обладает ударным действием. Крайне примитивный вариант, хотя разлет осколков и вызывает некоторое уважение. Впрочем, если данный вид оружия построен на той же технологии, а ожидать иного пока никаких оснований не было, радиус сплошного поражения явно меньше как минимум на порядок.

Еще Головатюк приволок два примитивных стальных шлема, не способных защитить от прямого попадания большинства образцов даже местного стрелкового оружия, и два устройства, которые он назвал «противогаз». Судя по названию, они должны были защищать от воздействия агрессивной внешней среды, но когда я ознакомился с их конструкцией, понял, что они нам вряд ли пригодятся. Даже Головатюку. Ибо по моим прикидкам, данный образец должен был сохранять фильтрующую способность при использовании против нас веществ первого класса токсичности в лучшем случае минут двадцать – тридцать. Да и защищал только органы дыхания, а также кожу и слизистые оболочки в области лица. Я же мог задерживать дыхание на срок порядка двадцати минут, причем при полной нагрузке, а за это время был способен преодолеть по среднепересеченной местности расстояние почти в двадцать километров. Что позволяло покинуть любую зону заражения, которая могла быть создана при данном уровне технологического развития.

К тому же метаболизм гвардейца позволял разлагать до шестидесяти средних летальных концентраций веществ высшего класса токсичности без потери боеспособности. А до двухсот – с частичной потерей. А для того чтобы такое количество токсинов могло проникнуть в организм через слизистые, двадцати минут явно мало. Так что противогаз мне был не нужен. Но, похоже, он также входил в состав боевого комплекта снаряжения бойца местной армии, и я решил не спорить с правилами.

– Ладно, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Пора двигать.

– Я извиняюсь, товарищ командир, – подал голос старший сержант. – А куда?

Я задумался. Поскольку противник наступает с запада, или какие тут местные обозначения сторон света, то отступать лучше всего на восток. Но как? Вместе с отступающими войсками или в одиночку? В одиночку я всяко боеспособнее и мобильнее, но куда тогда девать Головатюка? С ним лучше прибиться к какому-нибудь подразделению. Конечно, я мог бросить старшего сержанта и разбираться в обстановке дальше самостоятельно, но это если рассуждать совсем уж абстрактно. С того момента, как мне было пожаловано право принести присягу гвардейца, моей жизнью руководили три ценности – Долг и Честь, Воля Императора и Кысмет. Все они находились в сложном и не всегда однозначном соотношении друг с другом, чаще всего ведя меня по жизни вместе, но иногда отступая друг от друга, а случалось, и противореча друг другу. Но сейчас этого не было. Кысмет привел меня на эту сторону. Долг и

Честь обязывали защищать тех, кто в данный момент считался своими. А Воля Императора повелевала разобраться, куда же все-таки я попал и как мое присутствие здесь может послужить на благо Империи.

- Пока двинемся туда, - ткнул я в сторону востока, - а там посмотрим...

- ...Ну, так я это, - задумчиво начал Гарбуз, - тушенку велю по вещмешкам разобрать и картоплю частью тоже, а частью запечем?

Я никак не отреагировал на вопросительные интонации в его голосе. Если буду влезать во все мелочи, находящиеся в ведении старшины, времени на исполнение командирских обязанностей - оценку обстановки, организацию разведки и связи, принятие решений - у меня не останется. Нет, я понимаю, иногда приходится влезать в компетенцию подчиненных, если видишь, что они не справляются с обязанностями в той мере, которая уже создает угрозу выполнения задачи, но первейшая обязанность командира - повышать компетенцию подчиненных до уровня как минимум на один выше ныне занимаемой должности. Я был совершенно уверен, что в моей монаде все действительные гвардейцы со сроком службы не менее пяти лет полностью готовы к исполнению обязанностей лидера монады. Как и в том, что наш командир батальона полностью уверен в компетенции восьмидесяти процентов командиров монад. Остальные командовали монадами менее трех лет и в линии старшинства не состояли.

Старшина бросил на меня еще один тоскливый взгляд и отошел. А вот так вот, дружок, привыкай сам принимать решения. Ты в линии старшинства - второй после меня и Головатюка. И хотя убить меня местным оружием довольно трудно, но мало ли! И в случае чего тебе придется возложить на себя бремя командования. Учись!

- Товарищ командир, там еще двое прибились, - подбежал с докладом Головатюк.

Я кивнул. Значит, наш маленький отряд разросся уже до десяти человек. Еще трое - и мы сравняемся численностью со штатной монадой. Наша команда, начавшаяся всего с двух человек, постепенно разворачивалась в серьезное подразделение, а значит, надо было подумать об организации системной боевой

подготовки. Ибо святое правило Гвардии – боец должен исходить по?том до боя, но не кровью во время. А тот уровень боевых навыков, который демонстрировали прибившиеся ко мне бойцы, меня совершенно не устраивал. Нет, гвардейцев из них я сделать никак не смогу, но довести их подготовку хотя бы до уровня приличных территориалов мне вполне по силам.

– Кто? – уточнил я у старшего сержанта.

– Артиллеристы.

Я молча застегнул воротник, опоясался ремнем и двинулся знакомиться с пополнением...

Перед тем как покинуть разрушенный штабной городок, мы с сержантом стащили все целые тела и некоторые более-менее крупные части разорванных в большую воронку, образовавшуюся на месте двух попаданий неуправляемых боевых блоков, что для данного типа боеприпасов являлось большой редкостью, а затем закидали их щебнем и битым кирпичом. Из собранного мной содержимого карманов решено было взять только документы погибших и кое-какие полезные вещи типа раскладного ножа, зажигалки и механических наручных часов. Именно их я принял за наручный многофункционал.

В Империи механические часы присутствовали, но только как бешено дорогой аксессуар, служащий не столько для измерения течения времени, сколько для собственного позиционирования в социуме. Впрочем, некоторые экземпляры действительно вызывали уважение мастерством изготовления. Я сам видел один подобный образец у Кая Александрие, тоже лидера монады, но стоящего в линии старшинства на пять позиций выше меня. И даже подумывал приобрести нечто похожее для себя. Но потом это желание как-то затерлось. Тем более что выше нас в социуме Империи все равно никто не стоял и стоять не мог, мы – элита элит, а открыто демонстрировать принадлежность к Гвардии было не принято. Ну а если такая необходимость возникала, то способов дать понять окружающим, что перед ними гвардеец, в нашем распоряжении имелось великое множество...

Кроме того, старший сержант спросил у меня разрешения изъять для собственного использования все собранные трубочки с сушеной травой, дым из

которых вдыхал старший лейтенант Башмет. Парень аргументировал тем, что пополнить запасы в ближайшее время ему вряд ли удастся, а «без курева уши пухнут». Похоже, в составе травы, являющейся наполнителем этих трубочек, присутствовал некий наркотик, используемый в качестве легкого релаксанта. И это вызвало вопрос, почему старший лейтенант Башмет посчитал пользование курительными палочками табу для «коминтерновца». Кстати, я так пока и не выяснил, что это такое. Ну а самым главным моим приобретением оказалась довольно тонкая книжица в бумажной обложке под названием «Боевой устав сухопутных войск. Часть III. Взвод, отделение, танк», обнаружившаяся в сумке одного из убитых командиров. Для меня это был прямо-таки бесценный клад информации, особенно в области терминологии.

Физическая подготовка в этой армии также оставляла желать лучшего. Мы двинулись в путь через лесок. Первые три километра мы преодолели в относительно приемлемом темпе, а затем старший сержант сдох. Он хрипло дышал и то и дело останавливался «трохи отдышаться». Так что скорость передвижения снизилась с не слишком впечатляющих десяти километров в час до максимум трех-четырех. Впрочем, скорее всего я придираюсь. Для человека, не достигшего даже первого уровня антропрогрессии, старший сержант держался очень неплохо. К тому же у меня вследствие снижения темпа появилась возможность пролистать найденную книжицу и почерпнуть оттуда немало интересного.

Спустя полтора часа очень, на мой взгляд, неторопливого марша мы вышли к проселочной дороге. У обочины стояло наземное транспортное средство, вокруг которого бегал командир со странным приспособлением на носу, представлявшим собой два круглых стеклышка в металлической оправе. Поначалу я принял их за некий облегченный, полугражданский вариант блока визуальной разведки. Я все еще воспринимал окружающее по собственным меркам, забывая о сильной технической отсталости этого мира.

– Стой! – заорал он, тут же хватаясь за контейнер на поясе, в котором, как я уже знал, хранился ручной вариант местного оружия под названием ТТ. – Кто такие?

Поскольку я в отличие от старшины засек его присутствие еще шагов за двадцать до того, как мы вышли на дорогу, «дегтярь», продолжавший на первый взгляд по-походному висеть на моем плече, уже смотрел стволом в сторону командира. Так что это не он представлял для нас угрозу, а я для него. Но открыто демонстрировать ее я пока не собирался.

– А вы? – ответил я вопросом на вопрос, добавив в голос повелительных обертонов. В том психологическом состоянии, в котором сейчас находился этот командир, волевой посыл, содержащийся в моем голосе, должен был сработать на сто процентов.

– Младший политрук Иванюшин, – отозвался тот, – следую из штаба корпуса в расположение своего полка... То есть следовал. – Он растерянно опустил руку с ТТ и покосился на транспортное средство. – Немецкий самолет, и вот... – Он кивнул в сторону транспортного средства, передний капот которого и кабину пересекала строчка пулевых отверстий.

Водительская дверь была открыта, а сам водитель лежал на траве в нескольких шагах впереди и хрипло дышал, держась за грудь. Форменная рубашка, которая, как я теперь знал, здесь называлась гимнастеркой, была снята, а из нижней, когда-то белой, а теперь побуревшей от крови, была сделана примитивная повязка. И что? Этот командир не умеет водить машину? Или повреждения данного транспортного средства настолько фатальны, что оно не способно двигаться? Почему он торчит здесь, не пытаясь ничего сделать?

– Как давно был налет?

– Так это... часа полтора назад, наверное.

Я стиснул зубы. Полтора часа раненый водитель транспортного средства погибает на обочине, а этот... младший политрук ничего не делает?! Непонятно. Как, ну скажите мне, как можно готовить офицеров, не умеющих принимать решения в условиях резких изменений обстановки? Это же армия! Она предназначена выполнять задачи в условиях войны. А любая война – это непрерывные и резкие изменения обстановки, и военнослужащие обязаны уметь не только принимать решения в таких условиях, но и добиваться их реализации, причем при постоянном давлении предельно жесткого набора сбивающих факторов (куда уж жестче, если тебя все время пытаются уничтожить?). Или я чего-то в жизни не понимаю?..

– Головатюк, – коротко приказал я, кивнув в сторону поворота дороги.

Тот послушно потрусил туда, перехватывая поудобнее свой ППД. В другом направлении дорога просматривалась почти на полкилометра, так что если бы там появилось нечто угрожающее, я бы всяко успел среагировать. Я же направился к лежащему на траве водителю. Опустившись на колени, несколькими быстрыми движениями освободил его от уже заскорузлой, в засохшей крови, примитивной повязки и... тяжело вздохнул. Не жилец. Причем во многом из-за своего бестолкового командира. Единственная пуля пробила солдату легкое. В принципе ранение операбельное, даже в полевых условиях и подручными инструментами. В моем профиле медицинская подготовка находилась всего лишь в блоке ограниченно доступных способностей, но даже я смог бы провести эту операцию, не говоря о штатных медиках. Но сейчас легкие водителя оказались заполнены кровью, которая к тому же успела свернуться. И помочь ему в полевых условиях, без специального оборудования, я был не способен. Как, впрочем, вероятнее всего, и здешний медперсонал. Но попытаться надо.

– Насколько исправна техника?

– Я... не знаю, – растерянно ответил младший политрук.

Я зло скривился. Какой он, к черту, офицер?!

– Как далеко до ближайшего населенного пункта, в котором можно получить помощь?

В ответ младший политрук только дернул головой:

– Я... это водитель знал. Я с ним старшим машины... первый раз...

Я покачал головой. Да уж, подготовочка! Да кто ж тебя выпустил такого за пределы дислокации без отработки местности хотя бы по основным линиям передвижения и реперным точкам?

– Что хоть везли-то?

– Тираж, – пробормотал младший политрук.

- Чего? - не понял я.

- Ну... свежий тираж дивизионной газеты.

Я опять не понял, но сообразил, что, чем расспрашивать Иванюшина, лучше посмотреть самому. И двинулся к кузову.

В кузове сиротливо жались в углу пачки бумаги с напечатанными текстом и черно-белыми изображениями крайне низкого качества. Я распотрошил одну и углубился в чтение. Спустя сорок секунд я отложил газету и задумался.

Текст этого средства массовой обработки сознания произвел на меня удручающее впечатление. Если бы не отсутствие специфически детского словарного запаса типа «бо-бо», «а-та-ташки» и «бьяка», я бы посчитал, что данные тексты рассчитаны на детей младшего школьного возраста. Бравурные рапорты о том, как младший сержант Пудовкин отлично освоил вверенную ему боевую технику или подразделение капитана Стеблова отстрелялось на «отлично», перемежаемые репортажами с дивизионной партконференции, на которой коммунисты соединения как один поклялись «поднять», «повысить», «выжигать каленым железом» и «сомкнуть ряды в едином строю», как завещали уже упоминавшиеся Головатюком «товарищ Сталин и сталинский нарком товарищ Тимошенко», или сообщениями о том, как красноармейцы Н-ского полка помогают колхозникам в заготовке кормов, на любой мало-мальски развитый ум производили крайне гнетущее впечатление.

Нет, то, что в любой армии необходимо присутствует элемент психосоционики, - непреложный факт. Ибо любая армия в первую очередь - инструмент построения государства. Не только и не столько как военная сила, хотя и это тоже, но и прежде всего как некий инструмент постановки задач. Какую следует иметь промышленность, чтобы оснастить армию необходимой техникой и оружием? Каков должен быть уровень физического и интеллектуального развития призывного контингента, чтобы он освоил эту технику и оружие? Какие научные направления развивать, чтобы оставаться на пике военного превосходства? Какие из других государств обладают необходимыми сырьевыми, промышленными или демографическими ресурсами, способными восполнить имеющиеся дефициты?.. Ответы на эти вопросы во многом формируют промышленную, образовательную, научную и внешнюю политику государства. Или не формируют.

Но в этом случае страна лишается существенной части своего суверенитета, обрекая себя на необходимость обменять его на гарантии со стороны того государства, которое готово учитывать некоторую часть ее интересов при формировании своей экономической и внешней политики.

Ну а во-вторых (причем это едва ли не наиболее важно), армия – еще и самый мощный инструмент для формирования как базовых мировоззрений гражданина, так и всего комплекса качеств, требующихся для создания управленческой элиты государства. Храни Бог страну, в которой основная часть управленческой элиты не имеет школы военной службы. Храни... потому что только Ты и можешь ее сохранить, ибо сама она себя сохранить не в состоянии. Если, конечно, это не находящийся на отшибе слабозаселенный Рейкьявик-II и имеющиеся у него ресурсы – от демографических до промышленных и сырьевых – хоть кого-то интересуют.

Это уже даже не аксиома, а теорема, не один десяток раз доказанная большой кровью. Но! Раз армия – инструмент построения государства, то что же за государство можно построить с помощью армии, в которой инструменты, подобные этой... как младший политрук ее назвал?.. «дивизионной газете», являются действенными? Делать из военного узкоспециализированный и оболваненно-ограниченный персонал для обслуживания образцов вооружения и боевой техники и настойчиво вдалбливать ему, что именно в этом и состоят его единственный долг и задача, – это... все равно что использовать двусторонние гравизацепы для пускания «блинчиков» по воде. Страшно ресурсозатратно и крайне неэффективно. Здесь что, ничего не слышали даже о базовых принципах соционики?

– Товарищ командир...

Занятый столь грустными размышлениями, я как-то выпал из общего контроля обстановки, так что голос Головатюка, вернувший меня в действительность, резко включил и остальные рецепторы моего организма. Поэтому уже в следующую секунду я выпрыгнул из кузова и большими скачками устремился к повороту, из-за которого доносился непривычный уху стрекот, чем-то напоминающий работу используемых на местных транспортных средствах химических двигателей. Похоже, задача доставки раненого в место, где ему могут оказать помощь, скоро найдет решение. Если, конечно, приближающееся транспортное средство не принадлежит армии нападающей стороны...

Последнее предположение оказалось верным. Потому что не успел я достичь поворота, как Головатюк открыл огонь. Я досадливо сморщился, на ходу перехватывая свой «дегтярь» в положение для стрельбы. Вероятность того, что нам удастся захватить исправное транспортное средство, несколько понизилась, но, судя по звукам, оно там было не одно. А значит, шансы оставались.

Я перепрыгнул через Головатюка, устроившегося за кустом на самом повороте, и приземлился уже в передней стойке. Выстрел, выстрел, выстрел... выстрел. Я выпрямился.

– Ух ты! – восхищенно выдохнул Головатюк за моей спиной. – Как вы их!.. На каждого по одной пуле. И не целились даже...

Я ничего не ответил. А что тут говорить? Попасть в голову практически неподвижного человека (скорость у этих транспортных средств после выстрелов Головатюка упала километров до трех-пяти в час) на дистанции около полусотни метров... тоже мне достижение! Да в стандартном курсе тактической стрельбы Гвардии как минимум треть упражнений выполняется с отключенным прицельно-навигационным комплексом. В том числе и на штатную дальность стрельбы всем комплексом встроенного вооружения боевых лат. А это в пределах примерно сорока километров. Мы гвардейцы или ополченцы в конце концов?

Транспортные средства оказались трехместными. Что-то вроде наземного варианта легких гравобагги, используемых для разведки местности в условиях низкой вероятности организованного сопротивления противника. Одно из них было повалено на бок, а другое просто съехало с дороги и уперлось в дерево, продолжая вхолостую молотить двигателем. Я присмотрелся. Органы управления мне были совершенно незнакомы, но с тем уровнем координации движений, которым обладали гвардейцы, освоение любого из местных транспортных средств не должно было представлять особых сложностей. Если разобраться с органами управления.

– Умеешь пользоваться? – спросил я подошедшего Головатюка.

– Никак нет, – мотнул головой тот.

– Тогда зови младшего политрука, – вздохнул я. Особенной надежды на его навыки у меня тоже не было. Если уж тот не смог воспользоваться стандартным транспортным средством своей армии, ожидать, что у него есть навыки управления специализированным, да еще и чужим, было глупо.

Так и оказалось.

– Никак нет, товарищ командир, – виновато доложил Иванюшин, – мотоцикл водить не умею.

Я вздохнул. Что ж, придется осваивать методом «тыка». Окинув то, что младший политрук обозвал мотоциклом, внимательным взглядом и отмечая выступы, кнопки и рычажки, могущие оказаться органами управления (таковых набралось около дюжины), я осторожно развернул управляющие рога мотоцикла и вывел его на дорогу.

Спустя десять минут я смог подъехать к лежащему на обочине водителю и остановиться. Головатюк и Иванюшин уже ждали меня рядом с ним.

– Грузите, – приказал я.

Они неуклюже ухватили его за руки, за ноги.

– Да осторожнее же! – рявкнул я, когда они начали впихивать несчастного в то, что младший политрук назвал коляской. – У него же все легкие в крови.

Но вышло еще хуже. Оба задержались, водитель застонал, а я прикусил губу, чтобы не заорать на них снова. Судя по первой попытке, ни к чему хорошему это не привело бы. У них что, здесь вообще нет медицинской подготовки, что ли? Или она настолько примитивна, что включает в себя самые простейшие навыки типа накладывания повязки? Тогда вообще непонятно, как и чему учат в этой армии. И к чему ее готовили.

Спустя пять минут мы наконец-то тронулись в путь. Я ехал на самой маленькой скорости, чтобы Головатюк и Иванюшин, загрузившие на заднее сиденье и поверхность коляски не только наше, но и собранное на месте боя оружие и припасы, а также несколько пачек «тиража дивизионной газеты» (политрук

настаивал почти до истерики), могли следовать за мной, придерживая поклажу.

До ближайшей деревни мы добрались минут через двадцать. Если бы младший политрук озаботился не охраной пресловутого «тиража дивизионной газеты», а поиском помощи, он бы успел спасти водителя. А так... Когда мы остановились и я перевел взгляд на своего пассажира, мне сразу стало ясно, что он умер. Но младший политрук не поверил. Он еще некоторое время тормозил мертвое тело, припадал к груди, пытаясь уловить биение сердца. А потом растерянно перевел взгляд на меня:

- Что же это, товарищ командир... как же так?

Я молчал. Что толку обвинять человека, которого абсолютно не подготовили к войне, в том, что он не умеет делать самых элементарных на войне вещей? Это не его вина.

Деревню мы покинули через полчаса, после того как в нее вошли. Крестьяне обещали позаботиться о похоронах нашего товарища, а также снабдили нас кое-какими продуктами и веревками. Но в общем особенного дружелюбия с их стороны я как-то не заметил. Что было странно. Все-таки на их землю напал захватчик, а мы являлись представителями их собственной армии. Или нет?..

Перед началом движения я занялся изготовлением простейших контейнеров для оружия и снаряжения, чтобы максимально использовать транспортные возможности нашего мотоцикла. Ибо никаких контейнеров и грузовых площадок на нем почему-то не было. Головатюк и Иванюшин с некоторой оторопью наблюдали, как я с помощью нескольких кусков палки толщиной чуть меньше черенка лопаты и веревки увязал в несколько тюков все имеющееся у нас вооружение, снаряжение и припасы и закрепил их на мотоцикле. После чего махнул им рукой:

- Садитесь.

Мы втроем взгромоздились на мотоцикл, я дал газ, и машина, буквально взвизгнув своим весьма маломощным для навьюченного на нее груза мотором, выехала на деревенскую улицу.

Километров через пять я уловил сквозь стрекот мотора посторонние шумы двигающейся навстречу техники и резко затормозил, выключив двигатель. Оба моих соратника уставились на меня.

- Навстречу едет что-то тяжелое, - коротко проинформировал я их, - надо разгрузить мотоцикл и укрыться.

От того места, где мы остановились, до ближайшей опушки было около двадцати пяти метров, так что едва мы успели скрыться, как на дорогу выехал странный механизм, представлявший собой угловатый коробчатый корпус, поставленный на гусеничный ход. Впереди торчал короткий орудийный ствол. Похоже, это было некое самоходное орудие. Сразу за ним двигалось еще одно транспортное средство, отдаленно похожее на то, у которого мы встретили младшего политрука. Только его кабина и грузовой кузов оказались сделаны из металла и составляли единое целое. А следом за ним ехало несколько транспортных средств третьего типа, отличающихся от иванюшинского только некоторыми не слишком значительными деталями. Вся колонна остановилась у брошенного нами мотоцикла, после чего из транспортного средства, следовавшего вторым в колонне, выбрались несколько человек и, подойдя к мотоциклу, принялись что-то оживленно обсуждать. И в этот момент Иванюшин открыл по ним огонь из пулемета, который мы сняли с коляски мотоцикла.

Это было настолько глупо и неожиданно, что я на долю секунды оцепенел, а затем, наклонившись к Головатюку, пальцами разорвал горловину его сидора и, глубоко засунув руку, торопливо выгреб со дна десяток лимонков. К тому моменту по нам уже открыли ответный огонь, так что вокруг всюду свистели пули и сыпались срезанные ими ветки кустов, под которыми мы укрылись. Так что разгибать усики фиксаторов предохранителя я вынужден был лежа на земле и практически на ощупь. Когда я покончил с этим делом у последней лимонки, огонь, ведущийся в нашу сторону, стал таким плотным, что пришлось слегка приподняться, чтобы оценить обстановку.

Результат оценки меня не порадовал. В транспортных средствах третьего типа, столь похожих на транспорт младшего политрука Иванюшина, перевозили солдат, и сейчас они выпрыгивали из кузовов, практически сразу открывая огонь в нашу сторону. Навскидку мы ввязались в бой с десятком монад, то есть с сотней с лишком солдат, да еще со средствами усиления. Я зло оскалился: ну младший политрук!.. Впрочем, клясть бестолкового подчиненного времени не было. Я быстро ухватил первую лимонку и резким, без замаха, движением

швырнул ее в кузов ближайшего транспортного средства, из которого еще выскакивали солдаты, вторая отправилась чуть дальше, поскольку выскочившие заняли позицию на обратном скате дороги; третья влетела в кузов второго... четвертая, пятая, шестая, седьмая... Взрывы следовали один за другим, сразу добавив в какофонию боя свою внушительную ноту. Со стороны противника, часть сил которого уже начала обходить нас с флангов (вполне грамотная тактика), послышался истошный вопль:

- Ахтунг! Цурюк! Гранатверфер! Гранатверфер!

Последнее слово мне что-то напомнило, но что, я пока не понял. Да и по поводу самого языка я уже был не столь уверен. Какие-то ассоциации он у меня вызывал. Но точнее в этой суматохе я ничего вспомнить не мог. Так что решил считать это слово названием некоего средства огневой поддержки.

Я сделал паузу, оценивая обстановку на поле боя. Похоже, продвижение групп флангового обхода замедлилось. Оно и понятно. Наличие средств поддержки означало, что устроившее засаду подразделение достаточно сильно и организовано, так что попытка переть буром может выйти нападающим боком. Ибо наша, судя по количеству задействованных стволов, явно малочисленная группа могла оказаться всего лишь приманкой, предназначенной для того, чтобы завести подразделения, совершающие маневр обхода, в ловушку, например на подготовленное минное поле или в заранее пристрелянный огневой мешок...

- Отходим! - рявкнул я. - Немедленно!

Головатюк тут же прекратил огонь и принялся, лежа на брюхе, отползать назад, волоча за собой разорванный сидор. А вот младший политрук никак не отреагировал на мою команду, продолжая самозабвенно давить на гашетку пулемета. Я с большим удовольствием отвесил ему подзатыльник.

- А? - ошалело дернулся он, уставившись на меня.

- Отходить, я сказал! - прорычал я, делая зверское лицо.

- Но...

– Быстро! – возвысил я голос. – Куда?! – дернул я его за шиворот, когда он попытался подняться на ноги. – Ползком!

Иванюшин двинулся следом за Головатюком, правда, более неуклюже. Я снова развернулся в сторону противника, и в этот момент выстрелило самоходное орудие.

Выстрел оказался не слишком удачным. Мы находились ниже уровня дороги, снаряд прошел гораздо выше, не задев никого из нас, но его психологическое воздействие было очень эффективным. Иванюшин дернулся и, вместо того чтобы продолжать двигаться ползком, ожидая момента, пока между ним и противником, ведущим огонь, не окажется достаточного количества стволов и веток, способных защитить от поражения летящих в нашу сторону пуль, испуганно вскочил на ноги и бросился наутек. Теперь он мог рассчитывать только на удачу. Я зло выругался, но ничего уже поделать было нельзя. Оставалось лишь надеяться, что Головатюк психологически более стоек и не последует его примеру. А если нет... что ж, в таком случае придется снова положиться на удачу.

Я швырнул три оставшиеся лимонки в сторону левой из обходящих нас с флангов групп, постаравшись положить их в геометрические центры наибольших скоплений личного состава, а затем подхватил «дегтярь» и принялся прореживать правую группу. После полутора десятков выстрелов пулемет вхолостую щелкнул: закончился боезапас. Я досадливо сморщился и, подтянув к себе наш веревочный контейнер, быстро извлек из него еще один пулемет, снятый с коляски второго мотоцикла, который мы бросили на дороге. Питание боезапасом у него осуществлялось путем использования ленты емкостью навскидку патронов в пятьдесят, уложенной в металлическую коробку. А таких коробок у меня было аж четыре, так что должно было хватить...

– Здравствуйте, товарищи бойцы, – поприветствовал я двух новичков.

Один тут же вскочил на ноги и, разгладив гимнастерку, попытался принять строевую стойку. А второй окинул меня равнодушным взглядом и не пошевелился. Все понятно. Я сделал шаг вперед и со столь же равнодушным лицом отвесил ему сильную оплеуху. Он кувыркнулся и вскочил на ноги, держась за щеку, на которой наливался багровым цветом след от моей ладони.

– Ах ты... – Он бросился ко мне, отводя руку назад для размашистого удара.

Я поймал его кулак, устремившийся к моей переносице, и, чуть закрутив запястье, легким толчком правой руки развернул бойца, используя для этого его собственную инерцию, после чего взял на болевой прием. Жестко зафиксировав его руку, я несколько секунд держал бойца в полуподвешенном состоянии, а затем отпустил и сделал шаг назад. Он шумно выдохнул, повернулся, вытер пот, от боли выступивший на лбу, и уставился на меня. Я сказал:

– Попробуем еще раз. Здравствуйте, товарищи бойцы!

На этот раз передо мной вытянулись оба.

– Здрав... жел... тарщ командир!

Я по-прежнему был в той самой гимнастерке без знаков различия, в которую меня обрядили еще в особом отделе, поэтому обратиться ко мне по званию было для них несколько затруднительно. Хотя звание я себе, так сказать, присвоил...

...От немцев мы оторвались. Бо?льшую часть оружия и припасов пришлось бросить, но хозяйственный Головатюк уволок-таки порванный мною сидор. Я же, расстреляв все патроны, выбросил пустой пулемет и, подхватив тоже пустой «дегтярь», патроны к которому в сидоре у Головатюка, как я помнил, имелись, быстрым скользящим шагом двинулся за своими подчиненными.

Вслед не стреляли. Последнюю сотню патронов из трофейного пулемета я использовал как раз на то, чтобы отучить оставшихся в живых высовываться. Так что ответный огонь практически затих. В принципе, если судить по этим пятнадцати минутам боя, я был способен уничтожить все вражеское подразделение, включая самоходное орудие. Ну не полностью, хотя расстрелять приборы наблюдения и сбить гусеницу я был способен даже с учетом того рассеивания, которое давало местное оружие. Но в данный момент делать этого совершенно не следовало. Да и проверять было все-таки рискованно. Несколько попаданий местных тяжелых пуль – и у меня серьезно снизится подвижность, а при нынешнем соотношении сил меня вполне можно нашпиговать свинцом, как каплуна изюмом. И всё, с сотней пуль в жизненно важных органах никакой метаболизм не справится. Так что оторвались, и ладно...

Головатюка и Иванюшина я догнал метров через четыреста. Сержант довольно грамотно занял позицию на противоположной стороне небольшого овражка, а младший политрук со своим пулеметом залег шагах в десяти справа от него. Но крайне неудачно. Я поморщился: дал Бог бойца!.. Если судить по результатам только что состоявшегося боя, оружием он владеет крайне слабо, физически не подготовлен, тактически неграмотен, психологически неустойчив... и при этом командир! Интересно, какие функции возложены в этой армии на младших политруков?..

Я обошел овраг и приблизился к залегшему Иванюшину, безотрывно пялящемуся в том направлении, откуда мы пришли. Он не замечал меня до того момента, пока я не присел на корточки рядом с ним.

– Ой!.. Товарищ командир... – он оторопело покосился в прежнем направлении, – а как вы...

– Как ты меня назвал? – негромко прервал я его.

– Това... товарищ командир, – тихо повторил он, уже понимая, к чему я клоню.

– Тогда почему ты открыл огонь, не дожидаясь моей команды?

Младший политрук сглотнул.

– Я... это... товарищ Сталин... беспощадно уничтожать врага...

– Ну про это я уже читал. Как раз в том тираже дивизионной газеты, оставшемся там вместе с кучей крайне полезных вещей, которые пришлось бросить, – покачал я головой.

Иванюшин набычился. Да уж, с дисциплиной тут как-то не очень.

– Скажи мне, младший политрук, – вкрадчиво начал я, – а сколько врагов ты собирался уничтожить, прежде чем уничтожат тебя?

Он гордо вскинул голову:

– Столько, сколько удалось бы!

– Ну примерно?

Младший политрук снова дернул головой:

– Там их было достаточно.

Я вздохнул:

– Судя по результатам твоей первой очереди, выпущенной с тридцати метров по неподвижно стоящему противнику, тебе это не помогло бы.

Иванюшин погрузился и насупился. Действительно, его первая очередь, выпущенная почти в упор по довольно тесной группе из трех человек, привела в лучшем случае к легкому ранению одного из них. Большая часть пуль бесполезно пробарабанила по броне транспортера и самоходного орудия.

– Благодаря твоей недисциплинированности мы ввязались в бой, не изготовившись к нему, потому что и мое оружие, и оружие старшего сержанта Головатюка находилось в походном положении, на неподготовленной позиции, против превосходящих сил противника. Это почти неминуемо должно было привести к нашему уничтожению, причем при крайне низких потерях со стороны противника.

– Ну не привело же? – огрызнулся младший политрук.

Я заинтересованно посмотрел на него. Он что, действительно настолько тупой или просто притворяется?

– Благодаря тебе?

Иванюшин нахохлился.

– А вот благодаря тебе мы потеряли большую часть вооружения и припасов. И сейчас, вместо того чтобы уже через несколько часов присоединиться к нашим линейным частям и вступить в бой в составе полноценного подразделения,

вынуждены будем эти несколько часов отрываться от преследования.

Последнее утверждение могло быть и неправдой, все-таки моя последняя серия наверняка очень сильно отбила у противника охоту к дальнейшему преследованию, но я все равно предпочел бы оказаться как можно дальше от места только что состоявшегося боя. Да и слегка погонять этого туповатого героя тоже следовало.

На ночевку мы остановились часа через три, хотя до темноты, судя по положению местного светила на небосводе, оставалось еще несколько часов. Но мои подчиненные уже были на последнем издыхании. Поэтому я скомандовал привал и приказал обустроить лагерь, а сам отошел подальше в лес и забрался на высокое дерево.

Леса здесь были знатные – густые, смешанные, по всему видно, реликтовые. И отчего-то состояли в основном из терранских пород. Похоже, ресурсы на терраформирование этой колонии были затрачены ну просто немыслимые. Как на Троне и еще десятке миров Метрополии...

Много мне разглядеть не удалось, но, судя по хвостам пыли на севере и востоке, нападающие уже обошли нас и теперь неотвратно продвигались вперед. А это означало, что шансы на встречу с линейным подразделением или частью весьма малы. Я быстро спустился с дерева и двинулся в обратный путь.

До поляны осталось около сорока шагов, когда до меня донесся нервный голос Иванюшина:

– ...тебе говорю, не все здесь так чисто!

Я остановился и, присев на траву, немного напряг слух. В принципе даже на пятом уровне антропрогрессии человек способен сознательным волевым усилием увеличивать чувствительность основных рецепторов организма в несколько раз, а у меня их чувствительность даже в штатном расслабленном состоянии и без того превосходила среднестандартную биологическую раза в три. Так что, несмотря на шум леса и птичий гомон, разговор я слышал прекрасно.

– Так чего тут не чисто-то, товарищ младший политрук? – спросил в ответ Головатюк.

– А подозрительно, что наш товарищ командир в гимнастерке без знаков различия. Да и гимнастерочка-то уж больно новая, необмятая.

– И что? Мало ли чего бывает?.. Может, только получил, не успел всю фурнитуру пришить, а как немец напал – схватил первое, что под руку попало. Немец-то эвон как попер – и не ждал никто.

– А все равно, я бы бдительности не терял!

Я усмехнулся. Типичная ситуация: аутсайдер группы пытается настроить остальных против лидера. Ну-ну, посмотрим, как у Иванюшина это получится.

– Вот ты, к примеру, знаешь, какого он звания, из какого подразделения? – вновь подал голос младший политрук.

– Так это... нет, – несколько озадаченно отозвался Головатюк, – но я как-то и не спрашивал.

– Во-о-от, – удовлетворенно заявил Иванюшин. – И чего это он нас отослал, когда бой начался? Отходите, мол... а сам остался. Может, он там потихоньку от нас вступил в контакт с врагом?

– Так там же всю дорогу стрельба шла мама не горюй! И он же это... столько гадов положил гранатами! – повысил голос Головатюк, как видно приведенный в изумление фактом подобного обвинения.

– Ничего. Для пользы дела фашисты могут и своих положить, – авторитетно заявил младший политрук.

– Да какая тут польза делу? – горячо вскинулся старший сержант.

– Втереться в доверие.

– К кому? К нам, что ли? Тоже мне, важные цацы!

– Ну... сначала к нам, а затем с нашей помощью и...

– С какой нашей помощью? Да нас самих в особый отдел упекут, только появимся. Почему, мол, да как, не дезертиры ли? Какое тут доверие?

– Ну мало ли, – уже неуверенно отозвался Иванюшин. – А может, мы героически выйдем к нашим. С боем!

– Так чтобы нам героически с боем к своим выйти, – развил успех Головатюк, – надобно командира слушать! А иначе так и сгинем не за понюшку табаку. Я вам так скажу, товарищ младший политрук, нам сейчас нашего командира надо ой как держаться. Он один нас к своим вывести сможет. Это уж мне поверьте! Я таких командиров еще никогда не встречал – очень сурьезный боец. И командир хоть куда.

Младший политрук помолчал некоторое время, а затем, судя по интонации уже признавая свое поражение, все-таки добавил:

– Но все равно бдительности терять не следует. И это мое вам, товарищ Головатюк, партийное поручение...

Они замолчали. Я еще немного посидел, размышляя над их словами, а затем понял, что незачем заниматься любительством. В конце концов с вершины того дерева я не заметил никаких признаков не только погони, но и вообще присутствия людей в радиусе около восьми километров. А это, при наглядно засвидетельствованном мной темпе передвижения местного населения по пересеченной лесистой местности давало как минимум три часа безопасного времени, которое можно потратить на аналитику. Если, конечно, я приступлю к ней прямо сейчас. Поэтому я поднялся и двинулся вперед.

Да уж!.. Лагерь они разбили из рук вон плохо. Ветви для лежаков срубили прямо с деревьев, окружавших поляну, причем не по веточке, прореживая крону, а сплошняком, с одной стороны. Если бы здешний противник использовал даже очень устаревшие и примитивные станции оптовизуальной разведки, засечь наш лагерь для него не составило бы труда. Просто по изуродованным кронам. Не говоря уже о том, что костер они развели прямо посередине поляны, не приняв никаких мер маскировки. Засечь его был способен даже простейший

инфракрасный маркировщик, входящий в систему обеспечения безопасности движения гражданских олэеров.

Я покачал головой, но ничего говорить не стал. Позже. Сейчас анализ обстановки гораздо важнее. А просто выказать неудовольствие, не заставив все переделать, – бессмысленная трата времени. Первое правило командира: не можешь заставить сделать правильно – не заметь, а если уж публично зафиксировал недостаток – добейся его устранения.

– Головатюк, дежуришь первым. Потом Иванюшин. Младший политрук будит меня. Время дежурства – четыре часа. Все понятно?

– Так точно, – дружно отозвались оба, но Иванюшин не выдержал и задал-таки вопрос:

– Товарищ командир, а можно узнать, какого вы звания?

– Капитан. Капитан Куницын, – отозвался я, снимая ремень и устраиваясь на подстилке. Я выбрал это звание, поскольку, как я теперь знал, оно приблизительно соответствовало уровню моей подготовки... то есть если бы речь шла о Гвардии. Ну и еще потому, что среди найденных мной документов оказался один как раз с таким званием и фамилией. – Мне надо подремать. Людей поблизости нет, но все равно не шумите. Понятно?

– Так точно, – вновь хором отозвались они.

Я проснулся в тот момент, когда Иванюшин уже протянул руку, чтобы потрясти меня за плечо. На этот раз меня никто не беспокоил, так что и этап разделенного сознания, и этап использования нелинейной логики прошли вполне удачно. После чего я просто заснул. И вот теперь младший политрук будил меня, для того чтобы я заступил на дежурство.

– Ну как обстановка, товарищ Иванюшин? – спросил я, поднимаясь с кучи веток, служившей мне постелью.

– Все тихо, товарищ командир, – отозвался младший политрук.

Я кивнул и поднялся на ноги, перепоясавшись ремнем. Иванюшин молча улегся на свое место и спустя несколько минут мерно засопел. Похоже, он сидел с Головатюком, а спать завалился только сейчас. Я прошелся вокруг поляны. Костер уже потух. Над головой висели крупные звезды. Лес тихо шумел. Я прислушался к мерному дыханию соратников, а затем подхватил пустой «дегтарь», вытащил из разорванного сидора Головатюка несколько пачек патронов и присел на краю поляны. Надо было осваивать попавшее в руки оружие...

– ...Кто такие? Должность, звание, фамилия?

– Сержант Коновалов, командир расчета 45-миллиметрового противотанкового орудия второго огневого взвода третьей батареи отдельного противотанкового дивизиона войсковой части 45 756, – доложил драчун.

Вслед за ним представился второй, оказавшийся заряжающим соседнего расчета.

– Как здесь оказались?

– Отступаем, – отозвался Коновалов. – Во время нападения немцев были в летних лагерях. Без боеприпасов. Поэтому при появлении противника вступили в бой со стрелковым оружием. Но много не навоевали. Орудия просто подавили танками. И ребят... – Он всхлипнул, но быстро взял себя в руки. – Вот с тех пор и бежим. Сначала нас шестеро было, но Казакевич и Баюшкин исчезли в деревне, когда пошли в разведку. Может, просто по-тихому слиняли, а может, местные захватили. Ну, чтобы перед немцами выслужиться... – Он мрачно стиснул зубы так, что налились желваки.

Я понимающе кивнул. Как я уже знал, армия, в строю которой я так неожиданно оказался, действовала, по существу, на оккупированной территории, занятой только два года назад. Впрочем, что еще считать оккупацией... Эти территории стали самостоятельной страной всего около двадцати лет назад, а до тех пор входили в состав державы-предшественницы. Так что оккупацию двухлетней давности вполне можно было назвать возвращением территорий... Но, к сожалению, за прошедшие два года новая держава успела довольно гнусно зарекомендовать себя на вновь присоединенных территориях, и предположение

сержанта имело право на существование.

- Остальные?

- Пашкевич погиб, когда мы нарвались на мотоциклистов. А Бакрушев... - сержант покосился назад, - тогда же ранен был. Еще сутки мучился. С километр отсюда отошел. Так что только мы с Гибаньшиным остались. Из тех, кто после первого боя выжил. - Тут он снова всхлипнул. - Как же так, товарищ командир? Говорили же - малой кровью, на чужой территории...

Я протянул руку и сжал его плечо. Тяжело видеть, как крепкий, здоровый мужчина молча давится слезами.

- Ничего, боец, теперь вы не одни. Теперь вы в составе подразделения. И мы им еще покажем!..

...На первую группу отступающих мы наткнулись спустя четыре часа после того, как тронулись в путь. Головатюка и Иванюшина я поднял через два часа после рассвета. За это время я успел обдумать основной план действий. Как ни анекдотично это звучало, после изучения имеющихся фактов или того, что с достаточной долей вероятности можно было назвать таковыми, наиболее приемлемой версией я решил считать то, что меня действительно занесло на одну из затерянных колоний.

Как сюда попал, я не помнил, и с этой точки зрения то, что я рассказал младшему лейтенанту Башмету, было правдой. Последние доступные воспоминания - это постановка задачи моей монаде в десантном отсеке гвардейского крейсера. Мы должны были десантироваться на Кукс-14, где, по информации службы технической разведки, творилось нечто непонятное с гравитацией. Почему сюда прислали нас, а не исследовательские рейдеры? Просто сисаны вычислили несколько разрозненных рейсов из трех секторов с присвоенной оранжевой степенью опасности мятежа, пунктом назначения которых вполне мог быть Кукс-14. Причем это были одни из самых технологически развитых секторов, такие, как Атлантис и Бажда. И по расчетам сисанов, все эти оранжевые сектора должны были перейти в красные еще года три-четыре назад. Но почему-то задержались...

Империя – вообще очень интересный соционический организм. Всем известна расхожая фраза: все империи когда-нибудь разрушаются. И это действительно так. Но для правильно организованной империи это «когда-нибудь» наступает спустя столетия и столетия спокойной и счастливой жизни сотен миллионов и миллиардов людей. Это не означает, что везде, на всей территории Империи в каждую минуту ее существования царят тишь да благодать. Нет! Где-то бушует мятеж, где-то рыскают пираты, где-то территориальные войска штурмуют их базы, где-то просто произошел природный катаклизм или экономический кризис. Ибо сектора в Империи довольно сильно разнятся по уровню экономического развития и промышленной динамике.

Впрочем, совершенно то же самое происходит и в масштабах сектора или даже отдельной планеты. Но в каждый момент времени все эти беды непосредственно затрагивают доли процента ее населения. Остальные живут, мучаясь своими горестями и радуясь своим счастливым минутам, создавая литературные и голографические шедевры о неразрешимых проблемах маленького человека в этом пустом и холодном современном мире. О его одиночестве. О равнодушии окружающих. О несравненных душевных муках...

Но это – не зная голода, не сталкиваясь с насилием иного, более масштабного, чем бытовое, порядка, имея возможность свободно передвигаться по чудовищно огромным территориям, без проблем выбирая место, где можно остановиться и начать строить свою жизнь. И не просто зная, что, если что-нибудь случится, Империя тут же придет тебе на помощь миллионами солдат, гигантскими крейсерами, полевыми госпиталями, сотнями тяжелых краулеров с навесным оборудованием для разборки завалов, станциями успокоения землетрясений, то есть всей своей чудовищной мощью, а... считая, что только так и можно жить. Что все это в порядке вещей и просто... ну так устроен мир... Но лучше бы он был устроен эдак, чтобы налогов было поменьше, чтобы имперские сисаны не совали нос в твои дела, чтобы на улицах было еще меньше полицейских, мусорщиков и иных, не ласкающих твой взор, личностей. Чтобы вообще зона твоей ответственности – налоговой, гражданской, политической – заканчивалась сразу за дверью твоего дома. Именно на этих настроениях и играют местные царьки, премьеры и президенты, исподволь внушающие подданным, что жизнь устроена несправедливо, что Империя – гигантский монстр, сосущий из них все соки, что, если бы не Империя, его жизнь была бы гораздо лучше, легче... И если им удастся убедить в этом существенную часть своих сограждан, сисаны присваивают такому сектору оранжевую степень.

Так и происходило сейчас в тех секторах, где сисаны и вычислили эти разрозненные и на первый взгляд ничем между собой не связанные рейсы. И предположили, что на Куксе-14 находится нечто, что позволяет премьерам и президентам ставших оранжевыми секторов надеяться на успех в противостоянии с Императором. То есть некое оружие или устройство, способное оказаться таковым. И они нарочно затягивают начало мятежа, ожидая, пока это нечто будет доведено до рабочей готовности.

Поэтому на Кукс-14 и направили Гвардию. Наши гвардейские крейсера обладают комплексом разведывательно-аналитической аппаратуры, не уступающей исследовательскому рейдеру. Так что если имеет место природный феномен, то весь комплекс исследований будет выполнен, а если предположение сисанов окажется близким к истине, то возможность нейтрализации угрозы уже будет находиться в необходимой точке. Судя по тому, что монады десанта были подняты по тревоге и выстроены для постановки боевой задачи, сисаны не ошиблись...

Сначала я услышал разговор. Вернее, ругань. Один орал громко, надсаживаясь, с истеричными нотками в голосе. А второй отвечал ему, но эдак с ленцой, небрежно, через губу. Спустя десяток шагов насторожился и Головатюк. Он сделал еще шаг, остановился, прислушался и обернулся ко мне:

– Товарищ командир...

Я кивнул, показывая, что тоже слышу.

– Оставайтесь тут. Займите позицию и изготовьтесь к бою. – Я повернулся к Иванюшину: – Еще раз откроешь огонь без приказа – пристрелю лично. Понятно?

Младший политрук торопливо кивнул:

– Так точно.

Я двинулся вперед, слыша, как мои подчиненные торопливо расходятся по сторонам и залегают за деревьями. Я поправил «дегтярь» на плече так, чтобы он висел удобно для немедленного открытия огня, передвинул под руку контейнер,

который, как я узнал, назывался кобурой, и вышел на поляну.

На поляне присутствовали шестеро. Трое сидели на траве, устало и безразлично поглядывая по сторонам, а трое стояли. Один из стоящих был худеньким, но жилистым пареньком лет двадцати по среднеимперскому исчислению, а двое других заметно старше. Ругался как раз паренек.

– ...должны уничтожить врага там, где мы его увидим! Это же фашисты!
Товарищ Тимошенко...

– Достал! – прервал его один из старших и этак лихо сплюнул. – Кончай свою политинформацию. Твой товарищ Тимошенко с самим товарищем Сталиным могут хватать винтовки и идти уничтожать врага там, где они его увидят. А с нас хватит! Навоевались.

– Да как вы можете такое говорить? – возмутился парень. – Да я...

Второй старший вдруг подался вперед и, ухватив паренька за щеку, вывернул ему голову.

– А ты сейчас засунешь язык в жопу и заткнешься! Понял? Кончились твои комсомольские штучки! Всё. Просрали ваши!..

– Ы-ы-ытпусти! – с трудом просипел паренек, но второй только ухмыльнулся и еще более завернул кожу.

А первый глумливо усмехнулся и, сплюнув еще раз, заговорил:

– Значит, так, братва, кому еще не надоело за просто так гробить свою жизнь, могут оставаться с этим цуциком и дальше нарываться на немецкие пули. А у кого есть голова на плечах – айда с нами. Мы больше ни за кого воевать не намерены. Только за себя. Понятно?

Я сделал шаг вперед и слегка небрежно заметил:

– Нет.

Мое появление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Непонятно почему, но до сего момента меня никто не замечал. А теперь на меня уставилось шесть пар глаз. Паренек, которого отпустили, блыкнул глазами и обрадованно вскрикнул:

– Товарищ командир!

Я молча отдал честь и двинулся к ним. Когда до группы оставалось шагов семь – восемь, тот, что разговаривал с пареньком, выхватил из кармана ТТ и направил на меня:

– А ну стой!

Я замер. Он некоторое время разглядывал меня, а затем снова картинно сплюнул.

– Шел бы ты, дядя, обратно, туда, откуда пришел. Нам здесь никаких командиров не надобно. Мы теперь без командиров решили жить.

Я качнул головой, выказывая удивление:

– Вот как? А насколько мне видно, на вас – форма. И это означает, что вы давали присягу и подчиняетесь законам государства, которые требуют от вас выполнения воинского долга и подчинения приказам. Или я не прав?

– А нам на законы теперь наплевать, – заявил вооруженный ТТ, – и государства того теперь тоже нет. Всё. Кончилось! И посильнее нашего с немцем драться пытались, а ничего не вышло. Так что и Союзу теперь капут! Доигрался товарищ Сталин в мировую революцию...

Я с интересом слушал его сентенции. Как все тут интересно устроено. Да уж, не зря «затерянная колония» всегда была анекдотом. И не только потому, что до сих пор считалось, будто установлена судьба не только всех переселенческих транспортов, но и девяноста пяти процентов исчезнувших исследовательских рейдеров. Хотя, по расчетам сисанов, экипаж исследовательского рейдера был слишком мал, чтобы образовать полноценную саморазвивающуюся колонию. «Затерянная колония» была еще и стандартным начальным заходом социомоделирующих задач, которыми так любили развлекаться сисаны. Ох и

экзотические социомодели у них получались!..

– Так что вали-ка ты отсюда, туварищ камандир, – специально коверкая слова, заявил мой визави, – пока цел. Понятно?

Я... улыбнулся. На моего собеседника это произвело ошеломляющее впечатление. Он озадаченно уставился на меня и еще сильнее стиснул свой пистолет.

– Что ж, – миролюбиво начал я, – вижу, вы находитесь в состоянии психологического шока. Он вполне объясним, ибо, на ваш взгляд, наша армия потерпела сокрушительное и необъяснимое поражение в приграничном сражении. Поэтому вы демонстрируете мне сейчас неадекватные послешоковые реакции. Я могу их принять и простить. Если... – Я сделал паузу и обвел взглядом всех присутствующих, которые оторопело пялились на меня, разинув рты. Из всей речи они поняли едва ли половину. А то и меньше. Не говоря уж о том, что, как видно, никто из них не ожидал таких пассажей из уст обычного командира местной армии, которого они видели перед собой. – Если вы найдете в себе силы вновь вернуться в строй.

Несколько мгновений все продолжали озадаченно разглядывать меня, а затем вооруженный тряхнул головой, будто скидывая оцепенение, вызванное моими словами, и зло ощерился:

– Тебе чё, неясно было сказано? Вали отсюда, пока...

– Ты можешь попытаться меня убить, – тихо и уже совершенно другим тоном произнес я, – три раза. Если ты остановишься на двух и признаешь себя подчиненным, я тебя прощу. После третьей попытки я тебя убью. Вопросы есть?

– Чё?!..

Слишком резкий переход от теоретических рассуждений на конкретику часто действует на неподготовленную аудиторию ошеломляюще. Чего я и добивался. Пока весь разговор полностью соответствовал тому, как я хотел его провести. Нужен был еще один, завершающий штришок. Поэтому я нагло усмехнулся и демонстративно сложил руки на груди.

– Ах ты, сука! – взвился вооруженный и вытянул руку с пистолетом в мою сторону. Но в тот же момент на ней повис худой паренек.

– Стой, что ты делаешь?!

Мужик злобно развернулся к нему и с размаху заехал парнишке по голове рукояткой пистолета. Тот упал. Вооруженный направил ствол пистолета ему в голову... А вот это уже не входило в мои планы.

– Эй! – позвал я его. – Я сказал, меня! Если ты попытаешься убить кого-то еще, я не буду ждать третьей попытки.

– Да на?! – зло отозвался мужик, разворачивая ствол пистолета в мою сторону и дважды нажимая на спуск.

Пули свистнули у левого уха и под мышкой. Для остальных это выглядело так, будто я как-то неестественно дернулся всем телом, но в общем остался на месте. И отчего-то невредимый. Для создания подобного эффекта пришлось опять использовать скачок.

– Первые две попытки ты использовал, – холодно констатировал я. – После третьей я тебя убью. Вернее, если быть точным – казню. За отказ подчиниться приказу командира, нарушение присяги и дезертирство в военное время.

Вооруженный, остолбенело смотревший на меня, сглотнул и недоуменно покосился на пистолет. Потом снова ощерился и слегка охрипшим голосом скомандовал:

– Кабан, а ну-ка обойди его сбоку.

Второй, который хватал паренька за щеку, хмуро покосился на приятеля и... отрицательно качнул головой:

– Не, Косой, я погожу.

– Чё?! – Тот, которого обозвали Косым, свирепо развернулся к нему. – Ты чё несешь? Ты чё, собираешься опять в кабалу к товарищам?

– А ты у меня перед носом волюной не махай. У меня и своя есть. Давай решай свои дела, а я пока погожу, понял?

Косой несколько мгновений разглядывал кореша, а затем его голос дрогнул:

– Да ты чё, брат? Мы ж вместе зону топтали, да я ж за тебя всегда...

– И когда Никифор меня со своей сворой метелил, тоже? – ехидно сморщившись, отозвался Кабан.

Как видно, приведенный факт оказался для Косого веским аргументом. Потому что он тут же поник, но, развернувшись в мою сторону, сразу вновь завелся. Он переложил пистолет в левую руку, правой выхватил из кармана нож и, слегка присев и отведя руку с ножом чуть в сторону, направил пистолет мне в голову и зло прошипел:

– Ну, командир, молись...

Я кивнул и сделал шаг вперед, рывком входя в состояние вьюги.

Он успел выстрелить всего один раз. После чего я вырвал у него пистолет и слитным движением ладонь-локоть выбил из руки нож. Косой отчаянно рванулся, но я уже захватил его запястье, поэтому он успел сделать только шаг, а затем рухнул на колени спиной ко мне. Я еще сильнее вывернул его руку и приставил ствол пистолета ему к затылку, а затем, продолжая удерживать противника в этом положении, повернулся к остальным. Кабан смотрел на меня спокойно и... я бы даже сказал, одобрительно. Похоже, он был из тех, кто уважает в первую очередь силу и способность ею пользоваться. Паренек глядел разинув рот и где-то даже восторженно. Остальные трое – серьезно, напряженно и... с надеждой.

– Это война. – То, что я собирался сказать, должно было прозвучать пафосно. Но сейчас и требовался пафос. Правды жизни все они уже хлебнули полной мерой. – И никто не может гарантировать, что вы останетесь живы. Вы можете погибнуть в окопе, в цепи, во время атаки, в блиндаже или в доме, во время сна, и даже в самой глубокой дыре, в отхожей яме, в которую вы попытаетесь забиться, чтобы выжить. Война есть война. И единственное, что действительно в ваших силах, –

это выбрать, как вы можете погибнуть. Он – выбрал. – И я, добавив в голос толику торжественности, начал: – Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Тело мы закопали здесь же, на поляне. После чего я провел ревизию своего увеличившегося войска. Из пятерых новичков вооружены были четверо. Трое – винтовками и один, Кабан, – револьвером. Так называлась та система ручного оружия, которая была у Башмета. От ТТ она отличалась некоторыми деталями, например барабанным магазином несъемного типа, но в общем имела сходные боевые свойства. Однако патронов к винтовкам не было. Пятый был минометчиком и свою винтовку потерял еще вчера утром, когда на позицию их минометной батареи с тыла ворвались немцы. (Вообще, судя по рассказам, нападающая сторона в первую очередь отличалась хорошим уровнем подготовки младшего и среднего командного состава. Старшего, вероятно, тоже. Но у меня пока была слишком маленькая выборка, чтобы делать выводы.) Еще у них имелись несколько банок консервов и краюха хлеба, прихваченные одним хозяйственным ефрейтором, и медицинская сумка. Сумку я сразу же забрал себе. Еще у младшего сержанта Римозова, того самого худенького паренька, оказавшегося комсоргом роты, была сегодняшняя газета. Ее я также конфисковал в свою пользу.

После того как закончилась ревизия, я вызвал из леса Головатюка и Иванюшина и велел старшему сержанту выдать бойцам по пачке винтовочных патронов. А минометчику – вооружиться ТТ Косого. После чего устроил привал.

Пока бойцы снаряжали винтовочные магазины, я быстро просмотрел медицинскую сумку. Да-а-а, с такой организацией медицинского обеспечения в боевых порядках они должны были нести просто чудовищные потери! Только дезинфицирующие и внешние кровоостанавливающие средства. Никаких стимуляторов и обезболивающих препаратов, а также ни одного субликанта и иных препаратов, ускоряющих регенерацию. Похоже, здесь ничего не слышали ни о «золотом часе», ни о «бриллиантовых минутах».

Отложив медицинскую сумку, я занялся газетой. Много информации она мне не принесла. Этаким более профессионально сделанный вариант дивизионной газеты. Удивительно пустое издание... Впрочем, кое-что было. Например, я обнаружил еще несколько фамилий высшего руководства страны, а также названия крупнейших городов, расположенных в зоне боевых действий либо как минимум в радиусе досягаемости вражеской авиации. Их бомбили.

После того как личный состав вновь стал вооружен и – ну, слегка – опасен, я велел сделать короткий перекус. Поскольку, благодаря младшему политруку у него и Головатюка со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, мои орлы набросились на тушенку с хлебом, как голодные крокодилы на невнимательную антилопу. Я же, для вида съев тонкий ломтик со шматком тушенки, снова забрался на дерево.

За утро мы с Головатюком и Иванюшиным успели довольно далеко отойти от места стоянки, и теперь до ближайшего поселения нам оставалось всего около двух километров. Там я собирался окончательно разобраться с местностью, в которой мы находились, и принять решение, куда дальше двигаться. План ближайших действий был таков: сформировать максимально боеспособное подразделение, выйти к действующим войскам, желательно громко, с шумом и гамом, легализоваться и двинуться вверх по иерархической лестнице. Дальнейшие планы зависели от того, с чем я столкнусь на высших этажах власти. Но сначала надо было определиться на местности, сбить команду, запастись боеприпасами и продовольствием.

– Значит, так, товарищи бойцы, – начал я, встав перед коротким строем своих подчиненных. – Мы с вами – действующее подразделение Красной армии. Напоминаю, что наша армия подверглась вероломному нападению...

Я оперировал фразами, вычитанными в газетах, стараясь, однако, не слишком зарываться. В принципе, если их центральные СМИ заполнены подобными фразами, они должны быть вполне привычны для их ушей. Но вполне возможно, столь откровенная трескотня настолько приелась, что уже вызывает эффект отключения. А мне этого не надо.

– Итак, слушай приказ, – перешел я к конкретике, закончив вступление, – своим заместителем я назначаю старшего сержанта Головатюка. Старшина Гарбуз принимает на себя обязанности начальника хозяйственной части. Остальные пока в ранге рядовых бойцов. Ближайшей задачей считаю обеспечение нашего отряда более адекватным вооружением и увеличение носимого запаса продовольствия. Есть предложения?

Мои бойцы переглянулись. Потом старшина Гарбуз откашлялся.

– Дозвольте, товарищ командир?

- Говорите.

- Туточка недалече корпусные склады есть. То есть сейчас они, конечно, под немцем уже, но наша рота в прошлом месяце там караул несла, так я помначкаром ходил. Со старшим лейтенантом Писаненко. Два раза. Там все, что надо, имеется.

Я удовлетворенно кивнул. Отлично. Как раз на нечто подобное я и рассчитывал. Ну не могло у подвергшейся нападению армии, существенная часть подразделений и частей которой в первый же день боев были разгромлены и отброшены далеко от своих мест дислокации, не остаться никаких нетронутых складов, тем более при опросе большинство бойцов показали, что в момент нападения они оказались с весьма ограниченным боезапасом.

- Дорогу знаешь?

- Так точно.

- Показывай...

К расположению складов мы подобрались уже в сумерках. Охрана действительно была солидной. Я насчитал как минимум восемь постов. Кроме того, еще до полусотни солдат шлялись вокруг одинокого здания, в котором, по информации старшины Гарбуза ранее располагался караул. Естественно, на такое количество людей данного помещения не хватило, так что существенная часть личного состава устроила себе лежаки из шинелей и ранцев рядом со зданием, у костров. Что было необычно. У наступающей армии ресурсы, как правило, чрезвычайно ограничены. Впрочем, возможно, по округе бродило еще немало групп, подобных нашей, а то и более многочисленных, и немцы опасались, что этот склад может быть захвачен ими. У здания стоял уже знакомый мне бронетранспортер. На его крыше был закреплен пулемет, возле которого дежурил пулеметчик, занудно пиликавший на губной гармошке.

Увиденная картина привела моих бойцов в полное уныние.

- Мертвяк, - зло бросил Кабан и покосился на меня.

После психологического этюда с Косым мой авторитет в отряде был совершенно непререкаем. Я усмехнулся и мотнул головой, давая команду отойти.

Планирование операции мы осуществили в полукилометре от ограждения склада, на бережку лесного ручейка. Я разровнял суглинок, обломал веточку и наскоро набросал довольно точную схему склада. Гарбуз даже удивился, как это я сумел все запомнить с первого раза, ибо кое-что из того, что было мной нарисовано, не помнил даже он.

Я ничего не ответил. А что тут скажешь? Человеческий мозг способен запомнить все, на что человек бросил даже мимолетный взгляд, или, например, целые страницы текста на совершенно незнакомом языке, где-то когда-то услышанном. На заре изучения возможностей мозга нередки были случаи, когда люди, находящиеся в довольно взрослом возрасте, после случайного возбуждения определенного участка коры головного мозга начинали часами цитировать тексты на мертвых языках, о существовании которых даже не подозревали. А потом выяснялось, что эти тексты были случайно услышаны ими один раз, в раннем детстве, когда старшие братья-сестры учили урок, а младшие играли рядом. Так что мы не просто способны запомнить все, что хоть на миг коснулось нас, на самом деле мы не способны это забыть. Если, конечно, мы умеем пользоваться своей памятью...

Вкратце план был следующим. Как мы установили, смена часовых осуществлялась по четным часам. Поэтому начинать следовало в районе перехода нечетного часа. Сначала я проникаю на территорию склада и снимаю двух часовых, находящихся на обратной стороне главного пакгауза. После чего вскрываю ворота склада № 7 и запасаюсь ручными гранатами. Затем все остальные занимают позиции на территории склада либо у ограждения и берут на мушку оставшихся часовых, после чего мы с Кабаном снимаем дежурного пулеметчика. Одновременно с нашей атакой остальные расстреливают часовых. Мы же с Кабаном открываем огонь из пулемета по тем, кто ночует у здания караула и в самом здании, а остальные со старшиной вскрывают склады № 4, 5 и 11 и выносят вооружение, боеприпасы, обмундирование и продукты. Все это должно быть проделано в течение двадцати – тридцати минут, чтобы к немцам не успела подойти помощь.

Когда я закончил, все оторопело смотрели на меня. По их мнению, план был не просто авантюрным, он был невыполнимым. Я же спокойно смотрел на них.

- Вопросы?

- Э-э... товарищ командир, я, конечно, извиняюсь, - осторожно начал Головатюк, - но мне кажется...

- Что мы не сможем это сделать? - закончил я за него.

- Так точно, - облегченно выдохнул он.

- Почему?

- Да нас тут же засекут! - горячо начал Кабан. - У них часовых понатыкано что твоих тараканов!

- Двое часовых у обратной стороны пакгауза бо?льшую часть времени скрыты от глаз остальных, - возразил я, - шанс снять их незаметно есть. А если их убрать, подобраться скрытно к бронетранспортеру относительно легко, ибо образуется довольно большой неконтролируемый сектор.

- Да как их снимешь? - кипятился Кабан. - Они ж друг у друга на глазах!

- Это буду делать я, - с нажимом ответил я ему, - причем в тот момент, когда все вы будете находиться еще по эту сторону ограждения. Так что если мне не удастся, вы сможете спокойно отойти в лес.

- Никак нет, товарищ командир, - влез Римозов, - мы вас не бросим! Мы...

- Бросать меня пока и не требуется, младший сержант, - умерил я его горячность, - потому что пока мы рассматриваем варианты на случай провала моей части плана. А я уверен, что провала не будет. Поэтому следующий вопрос: кто сомневается в том, что после того как я сниму тех часовых, он не сумеет нейтрализовать своего?

Все молча переглянулись. Их мысли читались на лицах: «Сомнительно, конечно, но если уж командир уверен, что справится аж с двумя, то что ж, я одного не сниму?»

– Отлично. – Я повернулся к Кабану: – Теперь ты. Как, способен составить мне компанию в одном веселом деле? – И лихо подмигнул.

Кабан осклабился:

– Так это мы всегда пожалуйста, командир. Сделаем в лучшем виде.

– Ну вот и ладушки. Значит, сейчас всем спать. Подъем за два часа до рассвета...

К ограждению склада мы подобрались в полной темноте. Все были напряжены. Один из присоединившихся с утра бойцов шумно дышал, то и дело утирая пот. Я молча покачал головой. Успех операции всецело зависел от внезапности и согласованности действий, а человек в таком взвинченном состоянии просто обречен на ошибку. Я наклонился к нему и, полуобняв за плечи, проникновенно прошептал:

– Боец, у тебя самый важный противник, его пост ближе всех к нам, и именно у него наибольшая вероятность поднять тревогу. Поэтому я определил его тебе. Я знаю, что ты меня не подведешь.

Солдатик сглотнул и кивнул. Я сжал ему плечо и скользнул вперед. Когда я, разорвав пальцами пару нитей колючей проволоки, проскользнул в образовавшуюся дыру и оглянулся, он уже лежал на довольно удачной позиции и, стиснув зубы, вел своего часового сквозь прорезь прицела. На что только не способно выказанное человеку доверие!..

Открытое пространство я преодолел, даже не входя в состояние скачка. Просто дождался, когда взгляды всех трех часовых, следивших за участком, оказались направлены в другие стороны. Три быстрых широких шага, и я присел за штабелем ящиков. Теперь предстояло преодолеть еще несколько метров по открытому пространству, прежде чем я займу позицию, удобную для атаки. А также определиться с оружием. Ну с этим-то проблем быть не должно. Я наклонился и подобрал с площадки, усыпанной щебенкой, на которой стоял штабель ящиков, пару камней наиболее правильной формы. В принципе, если бы цели находились метров на сорок дальше, можно было бы снять ремень и использовать его как пращу, но по моим расчетам в момент броска обе цели должны были находиться метрах в пятнадцати – двадцати, так что вполне хватит и обычного броска. Тем более что праща гораздо менее скорострельна.

Мне пришлось подождать минут двадцать пять, прежде чем часовой, скучающий у дальних ворот пакгауза, повернулся и что-то сказал своему соратнику. Тот молча оторвался от своих ворот и двинулся к первому, который, в свою очередь, также устремился навстречу. Они сошлись почти на середине длинной стороны пакгауза, у такого же штабеля ящиков, как и тот, за которым прятался я. Я бросил быстрый взгляд в сторону дежурного пулеметчика. Тот обвис на пулемете, глядя куда-то в сторону. Я выскользнул из-за штабеля и легким, неслышным шагом бросился вперед, выходя на наиболее выгодную линию броска. Оба часовых меня не видели. Один стоял ко мне спиной, подняв руки, к которым наклонился другой. Что они там делали, мне стало ясно спустя мгновение, когда второй начал разгибаться, и я увидел, что у него во рту торчит курительная трубочка. Возможно, он успел меня заметить, но было уже поздно. Я метнул первый камень...

Камень вошел часовому, стоящему ко мне спиной, под каску, раздробив затылок. От удара его бросило вперед, он упал на своего приятеля и начал съезжать по нему на землю. Как только его каска опустилась на несколько сантиметров, открывая переносицу оторопевшего напарника, я метнул второй камень, который раздробил переносицу второму и вошел ему в мозг. Солдата отбросило на штабель ящиков, укрытый брезентом, и он также не рухнул, а сполз на землю, почти не наделав шума. Я замер, прислушиваясь. «Почти» не значит «совсем»... Но вокруг было тихо. Шум частично экранировал пакгауз, а то, что все-таки донеслось, похоже, было расценено как допустимо-обыденное. Ну мало ли – задел ящик сапогом или чиркнул по воротам прикладом.

Я поднял руку, вызывая к себе Кабана. Я специально взял его с собой. Во-первых, в нем читались некая лихость, кураж, так что можно было надеяться, в критический момент он скорее выматерится, а не оцепенеет. Ну и во-вторых, похоже, он был из адреналиновых наркоманов, а значит, надо создать в его мозгу психологическую сцепку по поводу того, что вместе со мной куда круче, чем против меня. И более преданного подчиненного у меня не будет.

До пакгауза Кабан добрался, когда я уже вскрыл примитивный замок и осторожно приотворил ворота. Заметив, что они уже открыты, Кабан возбужденно оскалился.

– Сами справились, товарищ командир, – возбужденно прошипел он мне в ухо, – а я думал, шо вы меня захватили, шоб я вам замочек вскрыл.

– Да что тут вскрывать, – усмехнулся я, – лучше створку поддержи. Тут петли очень скрипучие.

– Ага, – закивал он, хватаясь за створку, – не волнуйтесь, все будет чики-чики!

Я проскользнул внутрь.

Гранаты были упакованы в деревянные ящики отдельно от запалов, которые лежали в тех же ящиках, завернутые в промасленную бумагу. Я быстро свинтил дюжину лимонок и рассовал их по карманам. На первое время хватит. Кабан ждал меня у ворот, крепко держа створку. Я выскользнул наружу и кивнул ему, веля осторожно прикрыть створку.

Следующий этап был самым важным. Стоило одному бойцу промазать по своей цели, и мы с Кабаном получили бы огневую точку в своем тылу. Стоило нам спугнуть часовых раньше, чем их сняли бы наши соратники, и мы получили бы несколько таких точек. Стоило нам не успеть нейтрализовать дежурного пулеметчика или провозиться с ним, и мы получили бы против себя десятки проснувшихся вооруженных людей, оставаясь сами вооруженными только ТТ и наганом да дюжиной лимонок. Свой «дегтярь», чтобы не мешался, я оставил с той стороны забора.

– Значит, так, – притянув к себе ухо Кабана, начал я, – твоя задача – пулеметчик. Как только его снимешь, ныряй вниз, за броню. Я начну работать гранатами. И будь внимательнее! В бронетранспортере вполне может оказаться еще кто-то. Так что, снимешь пулеметчика – не расслабляйся.

– Будь спок, командир, – прошептал в ответ Кабан. Его глаза лихорадочно блестели, а руки возбужденно стискивали револьвер.

И мы двинулись вперед.

Кабан не подвел. Он двигался, конечно, не так тихо, как я, но вполне приемлемо. Только на самом подходе к БТРу его занесло на усыпанную гравием дорожку, и один из часовых, насторожившись, двинулся в нашу сторону. Но было уже поздно. Я положил Кабану руку на плечо и тихонько толкнул его. Он зло ощерился и с резким выдохом выметнулся из-за угла здания караула, одним движением взлетев на борт бронетранспортера. Дежурный пулеметчик в

последний момент что-то почувствовал и заполошно дернулся, но Кабан взревел:

– Куда, сука?! – и засветил ему в висок рукояткой нагана. Немец опрокинулся назад.

Похоже, в БТРе действительно был кто-то еще, потому что Кабан вдруг опустил руку и несколько раз выстрелил внутрь коробчатого корпуса. Одновременно с ним и чуть раньше затрещали выстрелы остальных. Я повел глазами, контролируя ситуацию. Попали все. Но двое часовых были только ранены. Один валялся на песке, зажав руками простреленное горло, а вот второй полз, держась за бок и подволакивая за собой винтовку. Этот мог оказаться опасен. При таком соотношении сил даже пара удачных выстрелов может опрокинуть чашу удачи. Но волновался я зря. По ползущему тут же грянуло еще два выстрела. Что ж, пора и мне вступать. Пока мой взгляд шарил по сторонам, руки уже вывалили из карманов лимонки и начали быстро разгибать усики фиксаторов предохранительных рычагов, которые, как я теперь знал, назывались «чека».

– А-а-а, сука! – слышался сверху прямо-таки полный восторга рев Кабана, почти мгновенно заглушенный длинной очередью из пулемета.

Нет, он точно адреналиновый наркоман. Но так он мне всю обедню сорвет.

– Кабан – вниз! – рявкнул я, одновременно с легким оттягом перебрасывая через корпус бронетранспортера первые две гранаты. Похоже, все-таки мой авторитет уже стал для Кабана достаточно весомым, потому что он тут же нырнул под броню. А я метнул следующую пару, покрывая гранатами площадь, занятую спящими на улице солдатами в квадратно-гнездовом порядке.

Взрыв, взрыв, взрыв...

Бронетранспортер закачало, а по его броне дождем забарабанили осколки. Я продолжал методично метать гранаты. Восемь на бивуак, остальные четыре были предназначены для караульного помещения, у которого из-за жары оказались настежь распахнуты и металлические ставни, и сами окна. Да и чего было бояться при столь многочисленной охране?..

Но я успел зашвырнуть внутрь только две. В наиболее сложные для броска дальние окна, чьи проемы перекрывал корпус бронетранспортера. Для того чтобы попасть в самое дальнее, пришлось воспользоваться рикошетом. В десяти шагах с той стороны бронетранспортера стояло дерево, от удара о которое граната влетела в окно. Иначе попасть в окно не получалось никак, а подгадать подрыв к тому моменту, как граната падала мимо окна, с таким типом взрывателя не было никакой возможности, замедление было слишком нестабильным...

Когда же я протянул руку за последней парой, из ближайшего окна в меня выстрелили. Я впрыгнул в состояние вьюги, качнулся в сторону и рывком выдернул ТТ из заранее расстегнутой кобуры. Патрон был уже дослан в патронник, но механизма самовзвода на этой модели не было, так что пока я взводил курок, мне пришлось качнуться обратно, уходя от еще одной пули. А потом я вогнал свою пулю стрелявшему в правый глаз, после чего левой рукой отправил две последние гранаты в два оставшихся окна.

Сразу после взрывов я крикнул:

– Кабан, работай! – и тут же из нижней стойки нырнул в окно, развороченное взрывом, держа ТТ наготове.

В караульном помещении живых не было. Все-таки эти «лимонки» не такие уж и плохие штучки. Хотя до «Граве марк VII» им, конечно, далеко. Снаружи молотил пулемет Кабана, я быстро проскользнул по длинному коридору, протянувшемуся из конца в конец караульного помещения, и, выпрыгнув из дальнего окна, завернул за угол.

Как я и предполагал, уцелевшие после нашего нападения солдаты прятались именно здесь. Их было четверо. ТТ рявкнул четыре раза, решив и эту проблему. Да, скорость перезарядки у этой машинки маловата, перед последним выстрелом мне пришлось качнуться вправо, уходя от выстрела из винтовки. Ну да ничего, Гвардия воюет тем, что у нее в руках, ибо опасно не оружие в руках гвардейца, а он сам!

Пулемет замолчал. Я быстро обвел взглядом пространство склада, затем сделал еще шесть шагов вперед, выходя на другую точку обзора. Похоже, всё.

Все отработали с огоньком. Победа, еще несколько часов назад казавшаяся моим подчиненным просто немыслимой и, по существу, продавленная моим авторитетом, настолько воодушевила людей, что они буквально летали.

Первоначальный план был изменен. Шины у бронетранспортера оказались полнотелыми, несмотря на изуродованные осколками гранат боковины оных, и машина была вполне способна к передвижению. А младший сержант Римозов, как выяснилось, умел водить. В результате сейчас мы грузили оружие, обмундирование и боеприпасы именно на БТР.

Старшина Гарбуз, казалось, был готов вывезти весь склад, так что мне пришлось немного попридержать его. Тем более что я счел необходимым позаботиться о том, чтобы данный склад не попал снова в руки противника. Это было вполне выполнимо, поскольку на складе обнаружилось несколько десятков ящиков со взрывчаткой и минами. Со здешними минами я пока обращаться не умел, а разбираться времени совсем не было. Поэтому я быстро сформировал из брусков местного взрывчатого вещества несколько сосредоточенных зарядов и воспользовался в качестве взрывателей уже неплохо освоенными мной лимонками, изобразив примитивные конструкции с отсрочкой взрыва с помощью отыскавшихся на складе свечей и бечевки. А еще я рассредоточил несколько ящиков со взрывчаткой в кустах вдоль дороги, расположив их один от другого на полторы-две длины грузовой машины, и соединил в последовательную взрывную цепь с помощью тех же лимонок и мотка проволоки. Наша стрельба должна была переполошить соседние гарнизоны, и скоро здесь стоило ожидать появления вражеских подкреплений. Конечно, созданная мной конструкция выглядела крайне примитивной, и ее вполне можно было обнаружить даже в зыбком свете разгорающегося рассвета, но кто его знает... Насколько мне удалось убедиться, здесь не было людей, прошедших даже нижний уровень антропрогрессии, а обычный человек, как правило, так невнимателен...

Мы были уже где-то в километре от склада, когда прогремел первый взрыв, произошедший, судя по отзвуку, на открытом пространстве. Похоже, мои расчеты оправдались.

Услышав взрыв, все возбужденно загомонили, но не прошло и пяти минут, как жажнуло во второй раз. На ближайшем к въезду складе я сделал еще один дополнительный взрыватель-ловушку, аккуратно закрепив лимонку со снятой чекой на верхнем обрезе чуть приоткрытых ворот. Лишь только створка откроется еще на пару пальцев, лимонка упадет вниз, в уютную конусообразную

ловушку из нескольких килограммов взрывчатки, на лету отстрелив рычаг предохранителя. Насколько я теперь разобрался в устройстве местных вооруженных сил, большинство военных специальностей здесь были узкоспециализированными. И разминированием (как и минированием) занимались специалисты под названием саперы. Так что этот взрыв практически гарантировал, что больше никто из прибывших до появления этих самых саперов в остальные склады не полезет. И мои конструкции из бечевки и свечей, которые я насторожил с довольно большим запасом по времени, должны были благополучно сработать в свой срок.

Я обернулся и посмотрел на своих бойцов. Их лица выражали восторг, глаза сияли, а руки крепко сжимали оружие. Что ж, с такими бойцами можно побеждать...

Спустя полтора часа мы были вынуждены бросить бронетранспортер. Дальше он проехать не мог. В принципе я был удивлен и тем, что он добрался хотя бы сюда. Поразительно неуклюжая техника! Впрочем, похоже, остальным она казалась верхом совершенства. Во всяком случае, Римозову точно. Он управлял ею с нескрываемым удовольствием и покинул водительское место с явным сожалением на лице. Но мы забрались по лесным дорогам в такую глушь, что двигаться дальше на каком-нибудь транспортном средстве стало совершенно невозможно.

Я приказал бойцам разгружать бронетранспортер, а сам занялся волокушами. Судя по возросшей влажности и немного изменившемуся типу растительности, а также еще по некоторым признакам, скоро должны были начаться болота, так что, если за нами и организовали преследование, у нас были все шансы оторваться. Впрочем, насчет преследования я сильно сомневался. Склад мы разгромили весьма впечатляюще, и если при оценке ситуации противник будет руководствоваться продемонстрированным уровнем подготовки и тактической грамотностью местных вооруженных сил (а так оно и будет), то вероятнее всего сделает вывод, что здесь поработало сильное подразделение численностью до роты.

А это ведь только в голофильмах поблизости от охраняемых объектов располагаются находящиеся в полной боевой готовности, но бездельничающие крупные силы, которые могут лихо попрыгать на всякие транспортные средства и с шумом и гамом броситься в погоню за киногероями. На самом деле обычное положение дел у любого командира, где бы он ни находился, в тылу или на

передовой, и какие бы задачи ни выполнял, – это жуткий дефицит сил и средств. И максимум, что противник сейчас сможет собрать, учитывая, что часть сил, находящихся в распоряжении коменданта и старшего по гарнизону, мы благополучно уничтожили на складе, – четыре-пять монад, то есть по-местному пару взводов. Я бы с такими силами нас преследовать не рискнул...

– Все готово, товарищ командир! – лихо вскинув руку к обреза пилотки, доложил Головатюк. Его лицо сияло.

Я кивнул:

– Отлично. Кабан – в головной дозор. Направление движения – по солнцу. Через пару-тройку километров начнутся болота – там остановишься и подождешь меня.

Кабан так же лихо козырнул, отпустил жердь волокуши, которую держал вместе с Иванюшиным, и, сдвинув на грудь новенький ППД со склада, нырнул в заросли. Я махнул рукой:

– Вперед!..

До болот мы добрались через полтора часа. Я объявил привал и забрался на дерево, чтобы осмотреть местность. Вокруг насколько хватал глаз расстилались лес и болота, а далеко впереди, почти у горизонта, в небо тянулись едва различимые дымы и еле слышно даже для меня погромыхивало. Похоже, там еще кто-то дрался...

Дорога через болота оказалась неожиданно легкой. Впрочем, только на мой вкус. Остальные вряд ли настаивали бы на подобном утверждении, которое на самом деле основывалось просто на полном отсутствии у них опыта маршей в подобных условиях. Впрочем, не у всех. Головатюк, судя по всему, такой опыт имел, хотя и он раньше вряд ли передвигался по болотам, таща за собой тяжело груженную волокушу. Поэтому уже где-то к двум часам пополудни мои подчиненные извозились в грязи чуть ли не по макушку и окончательно вымотались. А значит, пришло время остановиться на очередной привал и основательно перекусить. Тем более что после налета на склад у нас было чем.

На привал мы расположились на длинном, метров триста, и узком острове посреди болот, густо поросшем лесом. Судя по рельефу местности и по тому, что я увидел с очередного дерева, мы двигались через довольно узкий болотный язык, далеко вдававшийся в местные леса. И мы его почти пересекли. Во всяком случае, в том направлении практически не было видно открытой воды – только торфяники, поросшие кустарником. Так что теперь между нами и противником раскинулась широкая полоса болот, а значит, погони можно было не опасаться. И едва выбравшись на остров, все сразу расслабились, каковое состояние в условиях боевых действий практически всегда приводит к печальным последствиям. И потому я, заметив кое-что, что могло бы мне помочь преподать своим людям наглядный урок, не стал торопиться. Сцену надо было обставить подобающе.

Как только все собрались на узкой полянке у кромки воды, которую отыскал Кабан (он был чрезвычайно доволен этим фактом и даже обустроился на бережку, сняв сапоги и развесив по кустам портянки), я негромко скомандовал:

– Головатюк, построь личный состав.

– Слушаюсь, товарищ командир!

Несмотря на мой авторитет, на лицах большинства бойцов, занимающих место в строю, явственно читалось разочарование. Мол, и так сил уже никаких не осталось, а командир вздумал в строевую подготовку поиграть. Какого черта?!

– Кабан, как твоя фамилия? – с явной благожелательностью в голосе поинтересовался я.

– Шабарин, командир, – расплылся в улыбке Кабан, решив, что я собираюсь объявить ему благодарность или поощрить неким иным образом.

– Рядовой Шабарин, два шага вперед!

Кабан лихо бухнул по траве изгвазданными в грязи сапогами.

– Товарищи бойцы, какое наказание в боевых условиях следует применить к вашему сослуживцу, нерадиво выполнившему боевой приказ и этим

поставившему под угрозу не только ваши жизни, но само выполнение боевой задачи? – спросил я, расстегивая кобуру и извлекая ТТ.

Улыбка с лица Кабана сползла, будто старая кожа со змеи. Несколько мгновений над поляной висела тишина, а затем Кабан придушенно просипел:

– Командир, да ведь я...

– Почему вы, рядовой Шабарин, будучи назначены в головной дозор, не выполнили поставленную задачу и не осмотрели остров? А если бы здесь были немцы?

– Так ведь нет же никого! – отчаянно воскликнул побледневший Кабан.

– Никого? – Я повернулся в сторону кустов, на которых еще висели его портянки, поскольку он встал в строй, просто засунув ноги в сапоги, и негромко приказал: – Эй, вы, двое, выйти из кустов!

Несколько мгновений ничего не происходило, а затем ветки зашевелились, и сквозь них продрались две фигуры в такой же, как у нас, форме и не менее грязные.

Местная форма изготавливается из слабообработанных естественных материалов, которые в моем мире стоили бы буквально целое состояние, но здесь это щегольство приводило к тому, что форма мгновенно загрязнялась. Я повернулся к Кабану и повторил вопрос:

– А если бы здесь были немцы?

Шабарин побледнел. Я коротко скомандовал:

– На колени. Руки за голову!

Кабан сглотнул, напрягся, но затем его плечи опустились, и он выполнил приказ. Я шагнул к нему, взвел ТТ и, приставив ствол пистолета к его коротко стриженной макушке, несколько мгновений держал его там, жестким, но спокойным взглядом обводя напряженные и побелевшие лица остальных, а

затем чуть сдвинул дуло ТТ влево и нажал на спусковой крючок. От выстрела Кабан содрогнулся всем телом. Я согнул руку, направив ствол пистолета вверх, и поставил курок на предохранительный взвод.

- Встать, - негромко приказал я.

Кабан тяжело поднялся, зажимая рукой простреленное ухо.

- Будем считать, что здесь и сейчас я промахнулся, - сообщил я подчиненным, убирая ТТ в кобуру. - Но это произошло в первый и последний раз. Если я еще раз уличу кого бы то ни было в пренебрежении долгом - больше сотрясать воздух не буду. Всем понятно?

- Так точно! - громко и слаженно грянул строй.

- Отлично, - одобрительно кивнул я. - Тогда... Головатюк, раздать мыло и организовать помывку личного состава и стирку обмундирования. Обед - после окончания хозяйственных работ. Вопросы?

- Никак нет!

- Приступайте. - Я повернулся к вновь прибывшим: - Кто такие, откуда?

После увиденного никому из них и в голову не пришло демонстрировать мне что-то, кроме браво-молодцеватого вида истых служак.

- Старшина Цымбалюк и рядовой Побегало, товарищ командир! - гаркнул один.

Я одобрительно кивнул. Старшина - это хорошо. Будет Гарбузу помощник...

Следующие несколько дней мы двигались вдоль обреза болот, не приближаясь к опушке. Самой большой проблемой для меня постепенно становилось отсутствие командирского планшета. Все-таки, несмотря на всю нашу подготовку, мы, гвардейцы, чрезвычайно избалованные люди. Нет, мы, конечно, способны использовать в качестве оружия любое подручное средство и выживать там, где любой другой десять раз откинет копыта, но отсутствие нормальной связи и

возможности ориентироваться на местности в любых условиях меня напрягало едва ли не больше, чем полное непонимание того, где я нахожусь и как сюда попал.

Непосредственных трудностей это непонимание пока не создавало. К тому же я воспринимал это не как неудобство, а как задачу, а вот незнание местности, окружающей обстановки и крайне ограниченные возможности в анализе и планировании эти самые трудности как раз и создавали.

Впрочем, поймав себя на этих мыслях, я улыбнулся и сделал простейший психологический ход: перевел данные трудности из раздела проблем в раздел задач. Что сразу же подсказало решение. Мне нужна возможность ориентироваться на местности. Командирских планшетов здесь скорее всего нет. Значит, нужно раздобыть то, что помогает ориентироваться местным командирам. А именно печатные карты. Каковые можно раздобыть в каком-нибудь штабе уровня не менее батальонного. И там же взять «языка», способного просветить насчет обстановки.

Тем более что с языком наступавшей армии я с помощью документов и кое-каких печатных материалов, захваченных у погибших мотоциклистов и на месте боя с охраной складов, более-менее разобрался. Это был вариант довольно распространенного в Метрополии диалекта дэйч. Хотя в быту этот диалект использовался довольно слабо, скорее его нишей была культурная идентификация – на нем пели застольные песни, на нем разговаривали на этнографических праздниках и иных подобных мероприятиях. А в обычной жизни все носители данного диалекта, как правило, отлично изъяснялись на общеимперском. Поэтому его изучение в Гвардии не было в числе приоритетных, так что я сразу после ознакомительного курса перевел его из зоны оперативной доступности памяти куда подальше. Поэтому сейчас потребовалось некоторое усилие, чтобы восстановить его. Единственное, что меня несколько смутило, так это то, что люди, изъясняющиеся на диалекте дэйч, отчего-то атаковали людей, чьим родным был диалект общеимперского, поскольку в Империи и те, и другие считались едва ли не двумя основными ее столпами. Ну да мало ли причудливого мне здесь еще предстоит увидеть?..

– Имя?

– Вилора.

– Фамилией?

– Сокольницкая.

– Званий?

– Лейтенант.

Толстый, расплывшийся фриц в черном мундире стянул с носа круглые очки и протер их извлеченным из кармана платочком, после чего водрузил обратно и аккуратно промокнул тем же платочком потную лысину.

– Какой должность занимать?

– Военфельдшер медсанбата двадцать второй танковой дивизии...

Голос Вилоры звучал устало и слегка надтреснуто. Прошедшая неделя окончательно разрушила и уничтожила все, что было дорогого или хотя бы важного в ее жизни, сожгла все эмоции и вообще выпила ее без остатка. И неделя эта стала всего лишь кульминацией бед и несчастий, обрушившихся на Вилору в последний год. Жизнь кончена, и никакого будущего для нее больше нет, как ни горько это констатировать в двадцать один год...

Вилора родилась в стране, только что сбросившей оковы тысячелетнего гнета и открывшей всему человечеству прекрасное будущее. Народ, веками прозябавший в плену косности и суеверий, темный, забитый, нашел в себе силы сбросить тяжкое ярмо и повернуться к свету знания и свободы. И что с того, что страна, только что вместе с союзниками выигравшая первую из мировых войн, не только не получила ни грана из доли победителей, но и оказалась ввергнута в пучину еще более тяжелой гражданской войны, разбушевавшейся не на узкой линии фронта Первой мировой, а по всей ее территории, в каждом городе, селе и деревеньке. Не просто избородив ее просторы десятками извилистых и кровоточащих, будто шрамы, новых линий фронтов, но и проведя их внутри

почти каждой семьи, поставив отца против сына, а брата против брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/elita-elit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)